

HARLEQUIN®

036



О *Кэрол Мортимер*
**ПАСНЫЙ
ОБОЛЬСТИТЕЛЬ**

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Кэрол Мортимер
Опасный обольститель

Серия «Дерзкие герцогини», книга 2

Серия «Исторический роман
– Harlequin», книга 36

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6452534
Опасный обольститель: Центрполиграф; М.: 2013
ISBN 978-5-227-04740-3

Аннотация

Женевьева Форстер, овдовевшая герцогиня Вуллертон, после несчастливого брака опасается его повторения, но в глубине души жаждет страстной любви, желает поддаться искушению безумства плотских утех... Лорд Бенедикт Лукас известен как среди своих близких друзей, так и врагов как Люцифер, что неудивительно. Его шокирующие пуританская внешность и образ жизни, исходящий от него едва уловимый запах опасности неосознанно влекут Женевьеву, заставляя ее скрывать свою слабость. Тем большее удовольствие тщится получить Люцифер, раскрыв мнимую порочность молодой девушки, в действительности в минуты опасности проявляющей твердый и решительный характер.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	44
Глава 4	67
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Кэрол Мортимер

Опасный обольститель

Глава 1

Май 1817 года. Лондон

– Не хотите ли проехаться в моей карете, Женестьева?

Женестьева вздрогнула от неожиданности и обернулась. На верхней ступеньке лестницы, ведущей из церкви Святого Георгия на Ганновер-сквер, стоял молодой мужчина. Она знала этого джентльмена, они были свидетелями на свадьбе общих друзей. Церемония венчания только что закончилась.

Женестьеву удивил праздный вопрос. У подножия лестницы стояла ее собственная карета, в которой дожидалась служанка. Она вовсе не нуждалась в помощи молодого джентльмена, чтобы добраться домой на площадь Кавендиш.

Кроме того, различие в их социальном положении не предполагало такого обращения. Она – Женестьева Форстер, вдова герцога Вуллертонa, джентльмен же – лорд Бенедикт Лукас, среди своих ближайших друзей и заклятых врагов больше известный как Люцифер. До сегодняшнего дня они были едва знакомы. И потому он не должен называть ее по имени, ему следует обращаться к ней «ваша светлость».

– Женестьева, – между тем настаивал он.

Она почувствовала, как по спине пробежал легкий холодок, и с любопытством посмотрела на мужчину. На нем был черный цилиндр, который он надел, как только они вышли из церкви. Взгляд угольно-черных глаз Люцифера был странным, загадочным и немного пугающим. Он приподнял тонкую черную бровь, и лицо его приобрело насмешливое и немного надменное выражение.

Люцифер...

Это прозвище подходило Бенедикту Лукасу как нельзя лучше. Выющиеся черные как смоль волосы ниспадали на плечи, обтянутые черным фраком. Невероятно темные пронзительные глаза. Высокие скулы и благородный, красиво очерченный рот. Портрет довершали греческий нос и аристократический, гордо поднятый подбородок. Выражение лица всегда было несколько высокомерным. По всему чувствовалось, что Бенедикт Лукас старался держать дистанцию с окружающими.

Люцифер был старше Женестьева на шесть лет, ему исполнилось тридцать один год. Но из-за той напряженной внутренней работы, которая постоянно происходила в нем, казался намного старше. Во взгляде темных глаз читались страсть и какая-то тайна.

Женестьева, как и все лондонское общество, знала, что причиной тому была трагическая гибель его родителей. Десять лет назад они были найдены убитыми в своем поместье.

Их тела обнаружил Бенедикт. Убийцу не нашли, и бесчеловечное преступление так и осталось безнаказанным.

Возможно, поэтому Бенедикт Лукас всегда одевался во все черное. Правда, этот цвет очень подходил ему. У Люцифера была идеальная фигура. Широкие плечи, узкие бедра, мускулистая грудь и длинные ноги, красоту которых не могли скрыть даже мешковатые брюки. Столь мрачное одеяние придавало облику Бенедикта Лукаса загадочность и шарм, но Женестьева знала, что мужчины подобного склада таят опасность для одиноких женщин вроде нее.

Неужели он решил, что Женестьева сможет нарушить условности и правила хорошего тона и принять его приглашение? Разве благородные дамы ездят в карете наедине с мужчинами, которых едва знают?

Хотя нельзя сказать, что его предложение по-настоящему смутило Женестьеву. Неделю назад она заявила ближайшим подругам Софии и Пандоре, что они должны во что бы то ни стало завести себе любовников до конца сезона. София и Пандора, так же как и Женестьева, недавно овдовели и, выдержав положенный год траура, снова вернулись в общество.

Женестьева понимала, что у нее никогда не хватит смелости претворить в жизнь свое дерзкое заявление. Ее брак с Джошуа был очень несчастлив. Муж постоянно унижал и оскорблял ее. И теперь молодая вдова относилась ко всем мужчинам с настороженностью и предубеждением.

Женестьева нервно облизнула губы:

– Спасибо за предложение. Очень мило с вашей стороны, но...

– Неужели такая... смелая леди, как вы, Женестьева, может испугаться оказаться в карете наедине с мужчиной?

Женестьеву смутили слова Люцифера. Он сказал, что она смелая. Именно это слово употребила она в разговоре с подругами, говоря о предполагаемых любовниках до конца сезона. Этот разговор слышал лучший друг Люцифера. Неужели он передал ее слова, сказанные не всерьез? Если это действительно так, то этот человек поступил очень неблагородно.

Она посмотрела Бенедикту прямо в глаза, желая, чтобы взгляд ее был как можно тверже и увереннее, но, несмотря на все усилия, успеха не достигла. Как обычно, в ее голубых глазах читались настороженность и робость.

– Не думала, что дам кому бы то ни было повод считать меня смелой женщиной, – стараясь выглядеть невозмутимой, проговорила Женестьева.

Впрочем, она понимала, что могла дать Бенедикту Лукасу повод думать о ней именно так. Да, Женестьева могла вести себя смело и даже дерзко в обществе своих лучших подруг, но наедине с мужчинами ее неизменно охватывала робость.

К тому же у Бенедикта Лукаса довольно сомнительная репутация. До Женестьевы доходили слухи о его темных делах. Говорили, будто он поклялся найти убийцу своих родителей и собственноручно отомстить ему, опасаясь, что власти вы-

несут слишком мягкий приговор.

Женевьева слышала, что Люцифер – лучший стрелок и мечник в Англии. Он обучился этим боевым искусствам еще в юности, когда поступил на военную службу, за прошедшие же годы усовершенствовал владение различными видами оружия. Так что клятва собственноручно покарать убийцу родителей – не пустые слова.

– Возможно, до вас дошли слухи о том, что я не такая недотрога, какой могу показаться, милорд? – дерзко глядя ему в глаза, бросила Женевьева, не дождавшись ответа.

А еще через мгновение ее лицо стало надменным, даже чопорным.

Бенедикт невольно улыбнулся – очень уж не вязалось это выражение с озорным личиком Женевьевы Форстер, красивым, почти совершенным. Уже десять лет после гибели родителей Бенедикт Лукас не улыбался. Почему же теперь такой пустяк вызвал улыбку, хотя и несколько мрачноватую. Похоже, даже в этот момент он не сумел до конца забыть о своем горе.

– Не совсем так, Женевьева, – проговорил он.

Лукас продолжал называть Женевьеву просто по имени, хотя и заметил, что это ее смущает. А может, он как раз и хотел смутить ее?

– Докажите, что вы – смелая женщина, еще не поздно.

Он снова взглянул на Женевьеву. Настоящая красавица! По этому поводу ни у кого и никогда не возникло бы сомне-

ний. Густые выющиеся огненно-рыжие волосы выбивались из-под голубой шляпки. Небесно-голубые глаза озорно блестя. Слегка вздернутый носик, пухлые, красиво очерченные губы. И кожа такая нежная и свежая, словно персик со сливками. Женестьева была небольшого роста, изящной, даже хрупкой. Но глубокий вырез платья открывал довольно пышную грудь.

Бенедикт знал о ней не так мало: она была замужем шесть лет, год назад овдовела. Кроме пасынка, родственников мужского пола у нее не было. Пасынок, настоящий герцог, был несколькими годами старше Женестьева. Отношения между ними не сложились с самого начала, и теперь, после смерти ее мужа, оставались довольно холодными. Кроме того, по слухам, у Женестьева есть две близкие подруги.

Нет, Лукас не из тех, кто способен соблазнить невинную женщину. Но разве двадцатипятилетнюю вдову можно назвать невинной? Он мог бы пофлиртовать с ней эти несколько недель. Удобно во всех отношениях, да кроме того, неплохое прикрытие его шпионской деятельности, которой он занимался по поручению короля. И почему бы не завести легкий необременительный роман? Ведь она красивая, умная и, судя по всему, интересная собеседница.

– Думаете, оказаться в карете наедине со мной – слишком смело для вас? – с ноткой вызова спросил он.

Женестьева раздирали противоречивые чувства. Она уже год как овдовела. Время траура кончилось. У нее нет ни пе-

ред кем обязательств. Почему бы разок не нарушить светские условности и не поступить так, как она хочет? В конце концов, она целый год отчаянно стремилась к полной независимости и давно уже не юная девушка, краснеющая по любому поводу. Она герцогиня. Кто посмеет ее осуждать?

Но была и еще одна причина, по которой Женестьева просто не могла отказаться от предложения Бенедикта. Он мог подумать, что она трусливая и неуверенная в себе женщина. И потому, надменно посмотрев на него, проговорила:

– Нет, я не считаю это слишком смелым поступком. Но прежде нужно отпустить мою карету.

Голос ее прозвучал холодно и абсолютно спокойно.

– А свою служанку вы тоже отпустите? – несколько насмешливо поинтересовался Бенедикт Лукас.

По позвоночнику опять пробежал холодок. Почему он говорит так дерзко? Ни один посторонний мужчина не позволял по отношению к Женестьеве ничего подобного.

– Да, служанку тоже отпущу, – после секундного раздумья холодно ответила Женестьева.

– Мы можем спуститься к вашей карете вместе, не так ли? – предложил он, протянув руку.

Женестьева приняла ее. При этом на лице девушки не дрогнул ни один мускул. Они вместе спустились к ее карете, и Лукас отошел переговорить со своим кучером.

– Вы уверены, госпожа? – усомнилась служанка, когда Женестьева изложила ей свое приказание. Она впервые так

чему-то удивлялась, так как успела разглядеть темноволосого прекрасного Люцифера, от которого так и веяло риском и опасностью, еще до того, как Женестьева сказала ей, что поедет домой в его карете.

– Я совершенно уверена, что поступаю правильно, – твердо сказала Женестьева, хотя на самом деле так не думала. Воспоминания об ужасном браке с Джошуа до сих пор были свежи в ее памяти.

Служанка растерялась.

– Я слышала такие жуткие истории об этом джентльмене, – проговорила она.

– Не нужно мне этого рассказывать. Я тоже наслышана о нем, ничего нового ты мне не сообщишь, Мэй.

А что, если все эти скандальные истории – правда? И даже если это так, что теперь делать? Ведь Люцифер бросил ей своеобразный вызов. «Бежать от него как можно дальше», – подсказывал внутренний голос.

Нет, ни за что на свете! Женестьеве не хотелось быть трусливой и нерешительной, какой она была в браке с Джошуа. Подумать только! В те годы она боялась собственной тени. Теперь же, после смерти мужа, когда все позади, нужно перестать бояться мужчин. Ведь до сих пор, стоит какому-нибудь джентльмену проявить к ней интерес, сердце сжимается от страха, начинает бить дрожь.

В конце концов, что он ей может сделать в карете? Среди бела дня?

– Вы действительно думаете, милорд, что поехать с вами вместе – удачная идея? – спросила Женестьева, уже садясь в его карету.

Бенедикт улыбнулся и вдруг задернул занавески. Она испуганно вздрогнула, небесно-голубые глаза расширились от удивления.

– Зачем вы это сделали? – Она старалась не выдать испуга.

– По-моему, солнце сегодня светит слишком... ярко? Вам не кажется? – усмехнулся он.

Женестьева не сразу нашлась с ответом.

– Пожалуй, вы правы. Солнце действительно светит просто... ослепительно.

– Я рад, что вы со мной согласны. – Бенедикт посмотрел на нее долгим странным взглядом. – Не правда ли, так гораздо уютнее.

– Пожалуй. – Она всеми силами старалась казаться спокойной и невозмутимой, однако нервничала так, что сердце готово было выпрыгнуть из груди. – Кстати, не показалась ли вам странной сегодняшняя свадьба? – спросила Женестьева.

– Нет, – нахмурился Бенедикт. Меньше всего ему хотелось обсуждать секреты жениха и невесты. В конце концов, это не их дело.

– Значит, вы не думаете, что... – как ни в чем не бывало продолжала она.

– Нет, – отрезал Бенедикт.

– Вы совсем меня не слушаете, – немного обиделась Же-

невьева и надменно подняла бровь.

Он криво улыбнулся:

– Просто не хочу обсуждать то, что меня не касается. – Бенедикт перевел взгляд на соблазнительные холмики ее грудей. – О, какая красота! – выдохнул он, но, увидев ее смущение, пояснил: – Я имею в виду ваш кулон.

– Вот как? Спасибо за комплимент. – Женевьева машинально дотронулась до кулона с огромным сапфиром необычайной чистоты. – Этот кулон муж подарил мне на свадьбу, – сухо пояснила она.

– Да, у этого джентльмена, судя по всему, был прекрасный вкус, – задумчиво произнес Бенедикт, – во всем, что касалось женщин и украшений. И вы, и этот кулон – прямое тому доказательство.

– Можете думать так, если хотите.

Он с удивлением взглянул на нее. Ее глаза потемнели от гнева, на щеках проступили красные пятна.

– А у вас иное мнение по поводу его вкуса?

– Начнем с того, что он вообще не был джентльменом, – сердито заметила Женевьева. – И если вы в дальнейшем хотите продолжить наше знакомство, советую не заводить разговоров о моем покойном муже. В противном случае у вас будет очень мало шансов добиться моего расположения.

Эта фраза поразила Бенедикта. Он удивленно поднял брови:

– Значит, ваш брак был несчастливym?

– Совершенно верно.

В какой-то момент взгляд Женевьевы стал совершенно безумным. Лукас очень удивился такой внезапной перемене настроения. Неужели всему виной вопрос о покойном муже?

– Вы думаете, титул герцогини недостаточная... плата за все мучения, которые принес вам покойный муж?

– Да, я считаю плату недостаточной, – сказала Женестьева. Настроение ее резко испортилось. И даже веселый блеск в темных глазах Лукаса и его шуточный тон не смогли его улучшить. – Советую вам быть осторожнее в разговорах с дамами. Есть темы, которые не следует обсуждать, и в частности их покойных мужей. Иначе не успеете оглянуться, а вашей собеседницы уже и след простыл.

– Простите, если чем-то обидел вас...

– Нисколько, милорд. Просто мне изрядно наскучил этот разговор. – С этими словами Женестьева отвернулась от него и, раздвинув занавеску, принялась смотреть в окно.

Бенедикт некоторое время молчал. Эта яростная вспышка очень удивила его. Никогда еще он не встречал таких женщин, как Женестьева Форстер. Хотя за последние двенадцать лет женщин повидал немало. Правда, они вызывали в нем лишь физическое влечение, не более. Его не интересовали ни их внутренний мир, ни обстоятельства жизни.

Хотя, справедливости ради, интерес Бенедикта к Женестьеве никак нельзя было назвать страстью или даже влюбленностью. Он всего лишь хотел завести необременительный

роман, руководствуясь практическими целями. Связь с женщиной усыпила бы подозрения общества. Он уже много раз заводил такие отношения, выполняя поручения короля. В такие моменты приходилось принимать приглашения на балы и вечеринки, появляться в обществе, хотя всего этого Бенедикт терпеть не мог.

Обычно женщины с радостью завязывали с ним знакомство, иницилируя продолжение отношений. Но только не Женевьева. Она встречала все его попытки сблизиться с ней равнодушно и даже враждебно. С одной стороны, это раздражало его, с другой – делало образ Женевьевы еще более интригующим и загадочным.

– Могу я как-нибудь искупить свою вину перед вами? – с легкой улыбкой обратился к ней Бенедикт.

Женевьева повернулась к нему. Она все еще выглядела рассерженной.

– Вы ни в чем не виноваты. Это я должна была с самого начала сказать вам, что мой шестилетний брак был очень несчастлив. Я терпеть не могла мужа. Выдержала положенный год траура и теперь собираюсь веселиться и ни в чем себе не отказывать. Я даже не отказалась бы от легкого любовного приключения.

Бенедикт задумался. Он слышал, покойный муж был намного старше Женевьевы. Но не знал, что их брак был настолько несчастлив, что ей до сих пор больно о нем вспоминать. Интересно, что такого ужасного мог сделать ее муж?

– А вы хотели бы, чтобы это легкое любовное приключение произошло со мной? – спросил Бенедикт, вопросительно подняв свои черные брови.

– Нет, наша связь была бы слишком рискованной, – невозмутимо ответила она. – Кроме того, вы прослыли опасным человеком. Вас даже называют Люцифером.

– Меня? Неужели? – удивился он.

– О да, – с улыбкой ответила Женевьева. – Поэтому любовное приключение с вами я бы не решилась назвать хорошей идеей. Скорее наоборот.

Она продолжала улыбаться иронично и холодно.

Раздражение Бенедикта росло с каждой минутой.

– Почему вы так уверены? Ведь вы совсем меня не знаете. Разве можно судить о человеке по светским сплетням?

– За время нашей поездки я успела достаточно изучить вас, – надменно парировала Женевьева.

– И что именно вам удалось обо мне узнать?

– Ничего особенного. Зато я поняла, что мы с вами совершенно разные люди. И потому отношения между нами невозможны.

Бенедикт все больше и больше нервничал. Еще ни разу он не испытывал такого беспокойства во время разговора с женщиной.

– Вы сегодня будете на балу у леди Хаммонд? – спросил он.

Женевьева жеманно пожала плечами.

– Я еще не решила, – сказала она. – Может быть, поеду на бал к леди Хаммонд, а может быть, поужинаю с графом Сэндхерстом.

– Вы собираетесь ужинать с Чарли Бруксом? – удивился Бенедикт.

От Женеьевы не ускользнуло презрение по отношению к Бруксу, в ее глазах мелькнуло удивление.

– Граф не только обаятелен и приветлив, но еще и красив как греческий бог, – пояснила она.

Да, граф действительно был красив и обходителен с дамами. Правда, поговаривали, что он самый сладострастный развратник во всем Лондоне. Хотя вряд ли это смутит Женеьеву. Ведь она мечтает о легком забавном любовном приключении. Может быть, даже выйдет за него замуж. Вряд ли граф похож на ее покойного мужа.

Почему же Лукаса так расстроили ее слова о предполагаемом ужине с Чарли Бруксом? Какое ему, собственно, до этого дело? Может быть, в нем говорит мужское самолюбие? Ему-то она отказала во флирте. Чем этот легкомысленный повеса и развратник лучше его?

– Сегодня вечером у меня важная встреча, но я быстро освобожусь, и мы смогли бы поужинать вместе, – предложил Бенедикт. – Ужин со мной можно считать легким забавным приключением, не так ли?

– Легким забавным приключением? Не думаю, но спасибо за предложение, – ответила Женеьева.

– Но почему? – спросил Бенедикт. Теперь в его голосе звучал плохо скрытый гнев.

– Я не хочу быть второй в вашем списке, – ответила Женестьева.

– Но это совсем не то, что вы подумали. У меня сугубо деловая встреча!

Женестьева кокетливо пожала плечами:

– Ну тогда, надеюсь, она увенчается для вас большим успехом, чем ужин со мной.

– Вы очень непоследовательны! – воскликнул Люцифер.

Женестьева посмотрела на него с улыбкой.

– Думаю, очень многие женщины с радостью согласились бы на ужин с вами, – тщательно подбирая слова, сказала она. – Но после пережитого за годы моего ужасного брака я хотела бы завести более романтические отношения, чем те, что вы можете мне предложить.

– Романтические?! – воскликнул Бенедикт и посмотрел на нее как на безумную.

Женестьева как ни в чем не бывало взглянула в окно.

– А вот и мой дом. Мы приехали, Лукас, – сказала она с равнодушной улыбкой и взяла сумочку, готовясь выйти из кареты. – Спасибо вам за поездку, милорд. Это было очень... поучительно.

Бенедикт мрачно посмотрел на нее.

– Со мной вам было бы куда веселее, Женестьева, – проговорил он. – Я отнесся бы к вам с большим... пониманием,

чем граф Сэндхерст.

Она удивленно подняла брови.

– Может быть, когда-нибудь я изменю свое решение, но не сегодня, – сказала она.

Люцифер нахмурился:

– Если вы думаете, что у вас с Чарли Бруксом будет забавное и легкое любовное приключение, то глубоко ошибаетесь. Вы крайне наивно смотрите на вещи.

Честно говоря, сейчас Женестье было легко и весело. Она вышла замуж за Джошуа, будучи совсем юной. До брака у нее не было отношений с мужчинами, даже легкого флирта. Теперь она с удовольствием отметила, что Лукас испытывает к ней неподдельный интерес. Наверное, этот красивый обходительный брюнет не привык, чтобы женщины ему в чем-то отказывали.

Да, Бенедикт Лукас был прав, говоря, что Женестье наивно смотрит на вещи. Но при этом она была совсем не глупа и понимала, что мужчины из высшего общества любят неприступных женщин. Если бы она сразу приняла его предложение относительно ужина, то Бенедикт очень быстро потерял бы к ней интерес. Подумать только! С помощью такой простой уловки Женестье удалось заинтересовать мужчину. И какого мужчину! Опасного и загадочного Люцифера!

Женестье пожала плечами.

– Граф, в отличие от вас, долго ухаживал за мной, – сказала она.

– Но он...

– Сегодня прислал мне цветы, – не расслышав реплики Бенедикта, продолжала Женестьева. – И шоколадные конфеты. Вместе с красивой открыткой, где написаны нежные признания в любви.

Это воспоминание заставило ее улыбнуться.

– Он сделал все для того, чтобы сегодня вечером затащить вас в постель, – раздраженно проговорил Бенедикт Лукас.

– Я и сама это прекрасно понимаю. – Женестьева равнодушно кивнула. – Но Сэндхерст приложил для этого массу усилий.

Бенедикт едва сдерживал ярость. Еще ни разу с ним не случилось ничего подобного, когда он разговаривал с женщиной. А если и случалось, он этого не помнил. Все считали его не способным на сильные чувства. Однако они ошибались – он просто всегда держал себя в руках и не показывал эмоций.

– Может быть, я плохо разбираюсь в любви и чувствах, но не вижу ничего романтического в том, что граф Сэндхерст послал вам цветы, шоколад и открытку с парочкой нежных слов, думая лишь об одном – как бы затащить вас в постель. – Губы Бенедикта скривились от отвращения.

Женестьева насмешливо на него посмотрела:

– Но ведь вы хотите от меня того же самого, что и он. Вы хотели сначала поужинать со мной, а потом переспать. Но, в отличие от графа Сэндхерста, не прислали мне сегодня цве-

тов, шоколада и открытки с нежными признаниями в любви.

Ноздри Бенедикта раздувались от гнева.

– Даже если и так, то, по крайней мере, в отличие от графа Сэндхерста, я был откровенен с вами, – парировал Бенедикт.

– Я бы сказала, слишком откровенны... – язвительно заметила она.

Лицо Бенедикта побледнело от гнева.

– Вы самая испорченная женщина, какую я когда-либо встречал, Женестьева! – вне себя от бешенства воскликнул он.

Она с удивлением воззрилась на него, потом не выдержала и расхохоталась:

– Да, я была права, когда говорила, что вы были даже слишком откровенны со мной. В этом ваша беда, Бенедикт.

Он зло взглянул на Женестьеву. Жгучий взгляд темных глаз, казалось, пронизывал насквозь.

– Сегодня вечером я буду на балу у леди Хаммонд, – сказал он. – Помните, что мое предложение остается в силе.

Женестьева равнодушно кивнула:

– Приму к сведению. Благодарю вас. А теперь, если не возражаете...

С этими словами она указала глазами на дверцу кареты. Бенедикту не оставалось ничего иного, как выйти, чтобы подать Женестьеве руку. Высокомерно кивнув в знак благодарности, она повернулась и, больше не обращая на него внимания, поднялась по ступенькам и позвонила в дверь свое-

го дома. Судя по всему, ее ждали, дверь распахнулась в то же мгновение. Как только Женестьева вошла внутрь, дверь с громким стуком захлопнулась.

Бенедикт задумчиво проводил ее взглядом. Он заметил, что перед тем как исчезнуть за дверью своего дома, она все же обернулась и посмотрела на него...

Глава 2

– Граф Сэндхерст чем-то рассердил тебя? – обратился к Бенедикту лорд Эрик Каргил, граф Дармаус.

Лукас удивленно поднял брови. Он стоял посреди балльного зала в доме леди Хаммонд и не заметил, как к нему подошел его крестный.

– Почему вы так решили? – громко спросил Бенедикт, перекрывая гул голосов. На бал к леди Хаммонд съехалось множество гостей. Все непринужденно болтали и громко смеялись. Балльный зал был ярко освещен множеством свечей. Среди гула голосов Бенедикт явственно слышал чей-то смутно знакомый смех, похожий на звон колокольчика.

– Потому что ты, не отрываясь, смотришь на него уже несколько минут, – ответил, хитро улыбаясь, пожилой джентльмен.

Бенедикт вновь устремил взгляд на танцующую пару, которая привлекла его внимание.

– Просто я не могу понять, что общего между графом Сэндхерстом и греческим богом, – пояснил Бенедикт, чтобы закончить этот разговор.

– А какая вообще может быть между ними связь? Как тебе это только пришло в голову?

Бенедикт иронично улыбнулся:

– Ну, это не мое мнение.

Пожилой джентльмен покачал головой, словно прогоняя наваждение:

– Тогда я не понимаю, почему этот человек так тебя интересует?

– Вам и не нужно понимать. Не обращайтесь внимания. Это не имеет значения. – У Бенедикта не было ни малейшего желания сообщать крестному, что причина, по которой его так заинтересовал граф Сэндхерст, в данный момент танцует в объятиях этого развратника и повесы.

Несколько минут крестный молча смотрел на Бенедикта, насквозь пронизывая взглядом. Но, видимо, понял, что все это действительно не имеет никакого значения и прекратил расспросы.

– Если бы я знал, что ты сегодня вечером приедешь на бал, то остался бы дома. Честно говоря, терпеть не могу подобные мероприятия, – поморщившись, проговорил крестный.

Полковник Эрик Каргил был военным в отставке. Сменив мундир на светский костюм, он продолжал служить королю, но теперь уже в другом качестве, выполнял тайные поручения его величества, проще говоря, был шпионом. Считалось, что он занимает небольшой министерский пост и любит появляться в обществе. Однако граф Дармаус любил балы и другие светские мероприятия не больше Бенедикта.

– Останься вы дома, лишили бы удовольствия тетушку Синтию. Вы же знаете, она обожает балы, но ни за что на свете не приехала бы сюда одна, – со смехом проговорил Бе-

недикт.

Тетя Синтия и дядя Эрик были женаты уже много лет. Детей у них не было, и после смерти родителей Бенедикта они приняли в его жизни самое горячее участие и помогли пережить горечь утраты.

– Да, это так. Жена без ума от балов, – добродушно усмехнулся граф. Его карие глаза игриво заблестели. – Думаю, вечером она как следует отблагодарит меня. Но мне кажется, это недостаточная плата за утомительный бал у леди Хаммонд. Тем не менее что поделаешь! Такова наша служба!

Прищурившись, он взглянул на танцующую пару, на которую до этого, не отрываясь, смотрел Бенедикт.

– Кто эта очаровательная молодая женщина, которая танцует с Сэндхерстом? – спросил Эрик Каргил.

– Думаю, это герцогиня Вуллертон, – сказал Бенедикт. Хотя танцующие находились от него далеко, он прекрасно знал, кто эта «очаровательная молодая женщина».

Эрик Каргил равнодушно взглянул на нее.

– Разве Джошуа Форстер все еще жив? – спросил он.

– Я хотел сказать, что она вдова герцога, – объяснил Бенедикт.

– Так, значит, это та самая юная жена покойного Джошуа Форстера, которую он увез в деревню сразу же после первой брачной ночи.

Бенедикт вздрогнул – так поразила его несвойственная крестному грубость.

– Значит, он не хотел, чтобы она выходила в свет. Но почему? – с удивлением спросил Бенедикт.

– Я не знаю, – пожал плечами граф.

– Вам следовало бы чаще бывать в обществе. Похоже, вы совсем его не знаете, – со смехом заметил Бенедикт.

Крестный поморщился. Сама мысль о том, чтобы чаще бывать в обществе, была ему противна.

– Вообще-то ты и другие члены организации могут делать это за меня.

Вскоре после гибели родителей Бенедикт поступил на военную службу. Это было самым верным решением. Ему просто необходимо было излить обиду, горечь и гнев на реального врага. Началась война с Наполеоном, растянувшаяся на семь лет. Бенедикт отважно сражался. В конце концов армия Наполеона была разбита, а потом и уничтожена. Бенедикт вышел в отставку только тогда, когда Наполеон был сослан на остров Эльба. Но тому удалось сбежать, и Бенедикту пришлось вернуться на службу. И лишь после того, как Наполеона заточили на острове Святой Елены, Бенедикт покинул военную службу окончательно.

Мирная жизнь показалась ему невыносимо скучной. И тогда крестный предложил заняться шпионской деятельностью на службе у короля. Служба пришлась Бенедикту по вкусу. Но каждую минуту его жизни отравляла мысль о том, что убийца его родителей до сих пор не найден и остался безнаказанным. Служба при короле позволяла проводить част-

ное расследование чудовищного преступления.

Шпионская деятельность, полная опасностей и риска, была как раз по нему. Единственное, что не нравилось Лукасу в новом занятии, – это необходимость посещать балы и другие светские мероприятия. Хотя Бенедикт их терпеть не мог, он понимал, что лучшего места для сбора важной информации не найти. А для того чтобы не вызывать подозрений, он чаще всего выходил в свет с какой-нибудь женщиной.

Ему не давала покоя мысль о том, что Женестьева отвергла его попытки познакомиться с ней ближе, тогда как графу Сэндхерсту удалось покорить ее сердце. Она танцевала с ним весь вечер, смеялась над его шутками и остротами и была очарована этим пустым человеком, низким развратником.

В этот вечер она выглядела изумительно. Кремовое шелковое платье очень шло ей. Ожерелье из белого жемчуга прекрасно гармонировало с огненно-рыжими волосами. Небесно-голубые глаза весело сверкали. Яркие коралловые губы притягивали взгляды мужчин, кожа, свежая и нежная, поражала. А обнаженные плечи были просто великолепны.

– ...Ты давно видел графа де Севанна? Бенедикт, ты вообще меня слушаешь?

Бенедикт неохотно отвел взгляд от танцующей пары. Крестный смотрел на него с явным неудовольствием.

Лукас заставил себя перестать думать о красавице Женестьева и сосредоточиться на французском графе. Именно из-за него они с крестным сегодня на балу. Наполеон находил-

ся в надежном заточении, но успокаиваться рано, он, без сомнения, предпримет новую попытку к бегству. Кроме того, Наполеон не единственный враг Англии.

Бенедикту стоило огромных усилий поддерживать разговор. Он не мог думать ни о чем, кроме Женевьевы Форстер. Особенно после того, как они с Сэндхерстом закончили танцевать и пропали из вида.

Зная Сэндхерста, можно было предположить, что он не станет терять времени зря и попробует соблазнить Женевьеву прямо на балу. Тем более что в доме леди Хаммонд немало укромных уголков.

Расставшись с Бенедиктом, Женевьева сразу же написала Чарли Бруксу, что предпочитает встречу на балу леди Хаммонд романтическому ужину. Она сделала это, зная, что Люцифер обязательно приедет на бал и будет искать ее в толпе приглашенных. Ей хотелось, чтобы он видел, как Чарли Брукс отчаянно флиртует с ней. Женевьева не ошиблась в своих расчетах. Она сразу же заметила Бенедикта Лукаса, который следил за каждым ее шагом.

Судя по тому, как гневно сверкали выразительные глаза Люцифера, ему очень не нравилось, что Брукс так настойчиво за ней ухаживает, а она благосклонно принимает его ухаживания и танцует весь вечер только с ним.

Женевьева давно не чувствовала себя такой счастливой. Уже несколько лет она так не веселилась. Да что там несколько лет! Никогда!

Много лет назад, когда Женестьева впервые вышла в свет, Джошуа Форстер сделал ей предложение. Ее брата Колина предложение очень обрадовало. Еще бы! Ведь его сестра могла стать герцогиней. Ей очень не хотелось выходить замуж за мужчину намного старше ее, которого она совсем не любила. Но ее мнение Колина не интересовало, он и слышать ничего не хотел.

Сыграли богатую пышную свадьбу. Все полагали, что это самое счастливое событие в жизни новобрачных. И никто не заметил, как юная невеста дрожит от страха, как ей становится не по себе всякий раз, когда жених берет ее за руку. На ней было роскошное атласное платье и такие же туфельки, на шее красовалось дорогое ожерелье. Чем она могла быть недовольна? Лицо тучного немолодого жениха светилось от радости. Все гости думали, что он просто боготворит невесту.

Поздно вечером Джошуа отвез Женестьеву в свой загородный дом в Глосестершире. Волнение невесты росло с каждой минутой. Она с ужасом думала о предстоящей брачной ночи.

Но того, что произошло, Женестьева не могла представить даже в самом кошмарном сне. Джошуа был крайне груб с ней, не считаясь с ее юностью и отсутствием опыта.

Даже теперь, через много лет, воспоминания о той страшной ночи вызывали у Женестьева дрожь и тошноту. Но, как оказалось, это было лишь началом кошмара. Брак с Джошуа, больше похожий на тюремное заточение, продлился шесть

лет. Только после смерти мужа она смогла вырваться из этой клетки.

Впервые за долгие годы Женестьева смогла выбраться в свет и насладиться сезоном. Она решила радоваться каждому мгновению, каждой минуте свободной жизни!

И в этот вечер Женестьева была счастлива как никогда. Голубоглазый светловолосый Чарли Брукс был с ней сегодня так обходителен и нежен. Но больше всего ее радовало то, что знаки внимания, которые оказывает граф, очень неприятны Бенедикту Лукасу. Немногие женщины могли бы похвастаться столь пристальным вниманием со стороны загадочного неприступного красавца Люцифера.

Что и говорить, интерес, который проявили к ней двое красивых обаятельных мужчин, был для Женестьева роскошным подарком после долгих лет заточения в сельской глуши. Джошуа контролировал каждый ее шаг. За любое неповиновение жестоко наказывал, придумывая изощренные издевательства над бедной незащищенной женщиной.

Даже теперь воспоминания о первой брачной ночи и последующем аде супружеской жизни вызывали у Женестьева ужас. Она постаралась поскорее отогнать от себя эти грустные мысли и сосредоточиться на сегодняшнем бале и Чарли Бруксе. Граф Сэндхерст протянул ей бокал шампанского, при этом нежно коснувшись ее руки.

– Выпьем за нас, моя дорогая Женестьева, – сказал он, с любовью глядя на нее.

– Не думаю, что это хорошая идея, Сэндхерст, – сказал незаметно подошедший к ним Бенедикт Лукас, выхватил бокал из рук Женевьевы и поставил на серебряный поднос, который держал один из лакеев.

– Вылейте это шампанское, – коротко бросил он лакею. – Я приглашаю вас на танец, Женевьева. – Подняв брови, Бенедикт смотрел на нее с вызовом.

Бесцеремонный поступок Лукаса удивил Женевьеву. И это еще мягко сказано. По-настоящему испугал. Почему Люцифер без всякого предупреждения выхватил бокал у нее из рук? Мог хотя бы поздороваться. И после этого еще смеет приглашать ее на танец! Неужели этот нахал думает, что она согласится? Неужели она производит такое впечатление?

Глаза Женевьевы горели гневом. Бенедикт сразу же это заметил. Но тем не менее решительно взял ее за руку и повел в другой конец бального зала, прочь от графа Сэндхерста.

Женевьева попыталась вырвать у него руку. Она была до крайности возмущена.

– Да как вы смеее, Лукас! – задыхаясь, проговорила она. – Что вы себе позволяете?

– Успокойтесь, Женевьева, я вам сейчас все объясню. Сэндхерст подсыпал что-то в ваш бокал, чтобы вы... стали более сговорчивой, – скривившись от отвращения, проговорил он. – У меня не было времени на пустые церемонии. Необходимо было действовать быстро.

Женевьева взглянула на Сэндхерста. Он с негодованием

смотрел на них. Она побледнела от волнения, и Бенедикт почувствовал, как ее сотрясает дрожь.

– Что?! – воскликнула она. – Что вы сказали?

Бенедикт смотрел ей прямо в глаза. В его взгляде читалось: «Поблагодарите судьбу за то, что я успел вовремя».

– Этого не может быть! Вы говорите ерунду, граф не мог так поступить, – нетерпеливо проговорила она.

Бенедикт, крепко держа за руку, увлекал ее все дальше, и Женевиэве приходилось прилагать огромные усилия, чтобы не споткнуться и не упасть.

– Неужели? – насмешливо спросил он. – Вы так уверены, что он на это не способен?

– Все, что вы сказали о нем, – неправда, и я в этом уверена. – Ее щеки побагровели от гнева. – Просто вас разозлило, что я предпочла вам Сэндхерста, вот вы и решили его огорчить...

Бенедикт презрительно фыркнул.

– Это неблагородно! Судя по вашему поведению, вы не джентльмен.

– А вы наивны как ребенок во всем, что касается мужчин. Вы доказали это своим сегодняшним поведением, доверившись этому негодяю графу Сэндхерсту, – мрачно проговорил Лукас. – Если бы вы выпили шампанское, то стали бы безвольной игрушкой в руках этого подлеца, а потом жалели бы об этом всю жизнь. Сэндхерст заранее все продумал. Разве вы этого не понимаете?

Женевьева задохнулась от возмущения.

– Вы говорите все это, чтобы меня напугать. Вернее, не так. Вы просто хотите показать, что гораздо лучше, чем Сэндхерст, – с презрением глядя на Бенедикта, выпалила она. – А вы... вы хуже.

– Не думал, что вы ставите Сэндхерста выше меня, – резко ответил Бенедикт.

– Как бы там ни было, вам не стоило вмешиваться. Я прекрасно смогла бы за себя постоять. – Глаза Женевьевы сверкали от гнева. – В вашей помощи я не нуждаюсь!

– Не сомневаюсь, – иронично улыбнувшись, сказал Бенедикт.

Женевьева тряхнула головой, ее огненно-рыжие кудри взметнулись в воздухе и красиво рассыпались по плечам.

– Откуда вы вообще знаете о подобных вещах? – подозрительно прищурившись, спросила она. – Откуда вы знали, что он решил подсыпать мне что-то в шампанское и воспользоваться мной в своих грязных целях? Или вы сами прибегали к подобному способу соблазнения женщин?

Бенедикт страшно возмутился. На шее забились жилки. Он остановился и взглянул на Женевьеву, которая все еще сердилась на него. В эту минуту они находились в одном из холлов без окон, мрачноватом и похожем на пещеру.

– Смею вас уверить, мадам, мне не нужно прибегать к подобным уловкам, чтобы затащить женщину в постель! – с достоинством произнес он.

Его ответ не убедил Женевьеву. Ее маленький подбородок по-прежнему был упрямо вздернут. Она посмотрела ему в глаза, в которых скрывалось что-то загадочное и опасное.

– Но ведь и Сэндхерсту это не нужно, – сказала она. – Ведь он очень...

– Вы имеете в виду его красоту и обаяние? Кажется, вы сегодня сравнили его с греческим богом, – с отвращением проговорил Бенедикт. – Вы правы, Женевьева. Он мог бы обойтись и без этого. Но, к сожалению, смысл жизни этого божества – затащить в постель как можно больше женщин. Он хвастается числом женщин, которых ему удалось соблазнить, перед своими менее изобретательными друзьями. Так что цветы и шоколад, которые он прислал, его первый и последний благородный жест по отношению к вам. Вы бы стали очередной жертвой.

Женевьева не могла поверить в то, что граф Сэндхерст может вести себя так цинично. Неужели Люцифер сказал правду?

– Я забыл упомянуть о главном, – продолжал между тем Бенедикт. – Подсыпав специальное снадобье в ваш бокал, он хотел не только развлечься с вами сам, но и предоставить вас для утех своим ближайшим друзьям.

Господи, какой ужас! Женевьева не верила своим ушам. Она была достаточно наивна и плохо знала жизнь. Неужели такое возможно? Она слышала много сплетен и жутких историй о Люцифере. Но ни один человек не обвинил его во

лжи. Вряд ли он стал бы лгать и в этот раз.

Сэндхерст собирался воспользоваться ее доверчивостью этим вечером? Неужели его признания и обходительность не более чем хитроумная игра? Честно говоря, она практически не знакома с Чарли Бруксом. Знала лишь, что он граф и очень симпатичный мужчина. Да, Сэндхерст сразу же предупредил, что не собирается на ней жениться. Но она и подумать не могла, что он способен на такой низкий поступок.

По выражению лица Женестье Бенедикт понял, что до нее наконец начинает доходить страшный смысл его слов. Она поверила ему. Лицо побледнело, глаза потемнели, словно море во время шторма. Красивые чувственные губы нервно подрагивали.

– Успокойтесь, Женестье, – мягко проговорил он. – Этот низкий человек не успел причинить вам вреда. Ваша репутация осталась незапятнанной, ничего страшного.

Но Женестье никак не могла прийти в себя. Она с ужасом смотрела в одну точку перед собой, казалось, еще мгновение – и она упадет в обморок. Не могла поверить, что опасность миновала.

– Вы думаете, все действительно закончилось? – дрожащим голосом спросила она. Чувствовалось, что на Бенедикта Женестье больше не сердится.

– Конечно. Успокойтесь. Все уже позади, – ободрил ее Бенедикт.

– Ну, теперь я вам окончательно поверила. – Женестье с

благодарностью улыбнулась ему.

Но Бенедикт видел, что она еще не до конца успокоилась. В голосе и в дрожащей улыбке чувствовались некоторые напряжения и страх.

– Женестьева... – начал Бенедикт, но женщина перебила его:

– Кажется, вы хотели со мной потанцевать, не так ли?

Бенедикта позабавило то, как легко и изящно она смогла перевести разговор на другую тему.

– Но танец уже закончился. Придется ждать следующего, – подхватил он.

– Не беда! Мы можем поболтать, пока не начнется следующий танец. – С этими словами она нежно коснулась его руки. – А вы не боитесь, что ваша репутация может пострадать? Ведь все увидят, что вы проводите время с дамой, которая до этого флиртовала с другим мужчиной?

– Меня не волнует, что обо мне думают окружающие, – нетерпеливо проговорил Бенедикт.

– Тогда, может быть, вы вовсе и не хотите со мной танцевать? – спросила Женестьева.

Бенедикт хотел танцевать с Женестьевой больше всего на свете, кружиться, обнимая ее за талию. Он мечтал об этом весь вечер, пока она танцевала с другим мужчиной. При взгляде на ее прекрасную пышную грудь и обнаженные плечи по телу Бенедикта проходила странная сладостная дрожь. Женестьева привлекала его как женщина, и он ничего не мог

с этим поделаться.

– Нет, вы ошибаетесь. Я очень хочу танцевать с вами, – с улыбкой ответил он. – И не только потому, что мне приятно ваше общество. Я хочу доказать всем, что вы покинете дом леди Хаммонд не в обществе Сэндхерста. Ведь они с самого начала нисколько не сомневались, что план этого низкого негодяя удастся. Но вы должны пообещать мне, что больше никогда не будете общаться с подобными типами.

Женевьева с удивлением посмотрела на Бенедикта.

– Но скажите, почему вас так интересует моя судьба? – спросила она. – Какое дело вам до моей репутации?

– Вы задали мне весьма откровенный вопрос. – Бенедикту с трудом удавалось сдерживать свое нетерпение. – Что ж, отвечу. Мы с вами были свидетелями на свадьбе моего лучшего друга. И я чувствую ответственность за вас и вашу судьбу. Я сказал что-то смешное? – спросил он, увидев, что Женевьева улыбнулась.

– Да нет, простите. Вы, наверное, очень хороший человек. И я чувствую себя рядом с вами в полной безопасности, – призналась она.

– Вы действительно считаете меня хорошим человеком? – Бенедикт вздрогнул как от пощечины. – Вы первая, кто назвал меня хорошим человеком. Раньше никому это и в голову не приходило.

В глазах Женевьевы мелькнул хитрый огонек.

– Но, может быть, другие просто не знали о вашей добро-

те?

– Вы меня совсем не знаете, Женевьева, – пробормотал он.

Бенедикту вдруг стало стыдно. Ведь он испытывает к Женевьеве исключительно мужское влечение. Ни о каких романтических отношениях он и не помышлял, думая лишь о том, как неплохо было бы провести с этой женщиной ночь. Чем в таком случае он лучше негодяя Сэндхерста?

Словно почувствовав напряжение, Женевьева нежно погладила его по руке:

– Не беспокойтесь, Лукас. Я не выдам ваш секрет, честное слово.

– Секрет? Что вы имеете в виду? – недоуменно спросил Бенедикт.

– Я ведь раскусила вас, – объяснила Женевьева. – На самом деле вы не большой и страшный Люцифер, а милый маленький херувим с полотен Рубенса.

Самое странное, что в ее взгляде не было и тени насмешки. Она говорила вполне серьезно. Бенедикт почувствовал, что гнев вот-вот выйдет из-под контроля. Это совсем несвойственно его натуре. Он прекрасно мог владеть собой в любой ситуации.

– Как вы смеете сравнивать меня с толстощеким херувимом? Неужели в ваших глазах я выгляжу таким?

Увидев, какое впечатление произвели ее слова, Женевьева едва смогла сдержать смех.

– Ну что касается внешнего вида, совершенно не похоже. . .

– Значит, вы думаете, я внутренне похож на слащавого пухлого херувима? Смею заверить, вы ошибаетесь, мадам. – Но тут Бенедикт увидел, что Женестьева едва сдерживает смех. – Так это была шутка, Женестьева?

– Если бы вы видели сейчас свое лицо! Вы так помрачнели! – со смехом проговорила она.

– Вы смеетесь надо мной? – недоверчиво глядя на нее, спросил он.

– Конечно. – Ее позабавила реакция Бенедикта. Судя по всему, никогда еще над ним никто не смеялся.

Женестьева была рада, что шуточный разговор отвлек его от мыслей о Чарли Бруксе. К тому же ей было приятно осознавать, что в этот вечер не она одна одурачена. Люцифер принял ее слова за чистую монету, как она – ухаживания графа Сэндхерста.

Теперь уже случай с Сэндхерстом не казался ей трагедией. Если брак с Джошуа принес душевную боль и страдания, то случай с графом научил быть осторожнее в выборе мужчин. Хороший урок для нее. Женестьева уже простила Чарли Брукса за нечестную игру. Вероятно, она скоро забудет этот эпизод. Да, в самом деле, ничего ведь страшного не произошло.

– Наверное, это наша последняя возможность потанцевать. – Бенедикт Лукас взял ее за руку и повел в центр зала,

где кружились пары.

Он танцевал просто божественно. Несмотря на разницу в росте (он был очень высок), легко и непринужденно двигался с ней по залу под завораживающую мелодию вальса. Он положил руку Женевьеве на талию и нежно направлял ее, когда она сбивалась с такта. Женевьева положила руку ему на плечо. В этот вечер на нем был дорогой элегантный фрак. Запах, исходивший от него, тоже был божественным. От него пахло сандалом и какими-то экзотическими фруктами. Женевьева подумала, что Чарли Брукс красив, но от него не исходит столь чудесного аромата одеколона «Кёльнская вода».

Спустя несколько минут Женевьева заметила, что на них смотрят. Некоторые дамы обмахивались веерами и о чем-то перешептывались. То, что на них обратили внимание, неудивительно. Женевьева и Бенедикт были очень красивой парой. Бенедикт к тому же обладал необычной внешностью. Кроме того, от внимания окружающих не ускользнуло то, что Женевьева увлечена Бенедиктом. Его удивительной внешностью, обаянием и ароматом, сводящим с ума.

Женевьева с удивлением посмотрела на Бенедикта. Он не отрываясь за кем-то следил, глядя через ее плечо. Лицо его выражало угрозу и презрение.

– Кажется, мы привлекли внимание окружающих, – нежно проговорила она.

Он сердито прищурился:

– Да, я это тоже заметил.

Она прикрыла глаза. Бенедикт заметил, какие у нее длинные и густые ресницы. Ее щеки разрумянились от танца.

– И вы знаете почему? – игриво спросила она.

– Да, – холодно бросил он.

Внезапно ужасная догадка поразила Женевьеву.

– Вы думаете, они обсуждают мой флирт с графом Сэндхерстом? – с тревогой в голосе спросила она.

Ей очень нравилось общество Бенедикта. И больше всего на свете она не хотела, чтобы насмешки и перешептывания гостей отравили эти волшебные минуты.

– Нет, – отрывисто проговорил Бенедикт.

Женевьеве надоели его односложные ответы.

– Почему тогда они обратили на нас внимание? – резко спросила она.

Бенедикт поморщился. Ему также надоели расспросы.

– Думаю, потому, что за последние десять лет я ни разу не танцевал с дамой. Честно говоря, я вообще не люблю балы. Они такие скучные.

– Скучные? Неужели вы действительно так считаете? – с любопытством спросила Женевьева.

Он непонимающе взглянул на нее:

– Да, я действительно так считаю.

Его раздражало не только внимание окружающих, но и то, что Женевьева наслаждалась всеми этими смешками и перешептываниями.

– Неужели вам действительно нравится, что все гости го-

воят только о том, что я пригласил на танец герцогиню Вуллертон? – спросил он.

– Да, – без тени смущения ответила она.

Бенедикта удивила ее искренность, и он, нахмурившись, посмотрел на нее:

– Но почему?

– Потому что... По-моему, забавно, что нас обсуждают все гости.

– Женестьева! – укоризненно взглянув на нее, воскликнул он.

– Что, Люцифер? – кокетливо спросила Женестьева. Ее ярко-голубые глаза весело поблескивали из-под полуопущенных ресниц. На щеках появились очаровательные ямочки.

Некоторое время Бенедикт молча смотрел на нее, стараясь побороть раздражение.

– Ну и черт с ними, – наконец отрезал он, взял Женестьеву за локоть и с мрачным и непроницаемым лицом вывел из круга танцующих.

– Люцифер, – повторила она, с любопытством глядя на Бенедикта.

– Черт возьми, меня зовут Бенедикт, а не Люцифер! – вне себя от гнева воскликнул он. На шее у него забила жила.

– Но ведь вас все называют Люцифером, – неуверенно проговорила она, – я думала, вы к этому привыкли.

– В лицо меня так называют крайне редко, – мрачно ответил Бенедикт.

– О... – Женевьева покраснела от стыда. – Я не знала, что...

– Теперь знаете.

Для него не было секретом, что его называют Люцифером, но никто никогда не осмеливался обращаться к нему так напрямую. Этим прозвищем его называли только за глаза.

– Куда мы идем? – спросила Женевьева, когда они вышли в холл и он подал ей пальто.

– Куда-нибудь подальше отсюда, – сказал Бенедикт, надевая пальто и шляпу.

Когда они танцевали, он увидел, что Эрик Каргил разговаривает с графом де Севанном. Крестный кивнул Бенедикту в знак того, что ему удалось получить необходимую информацию и больше нет причин присутствовать на этом скучном и утомительном балу. Тогда Бенедикт решил увести с собой Женевьеву, не желая оставлять ее здесь одну. Несмотря на то что ей было уже двадцать пять лет, а за плечами – шестилетнее замужество, эта женщина оставалась наивной и неопытной не по годам во всем, что касалось мужчин. Она могла довериться кому угодно, даже самому отъявленному негодяю, попасть в неприятную историю. Вот и сейчас она спокойно идет с ним, не зная о его истинных намерениях.

Глава 3

Женевьеву удивило странное поведение Бенедикта. Почему он так неожиданно решил уйти с бала, хотя вечер был в самом разгаре? Почему увел ее с собой? Еще ни разу Женевьева не уходила с бала так рано. Правда, нельзя сказать, чтобы это ее особо расстроило. В ее жизни будет еще много балов. А вот шанс уйти, пусть и раньше времени, с таким привлекательным мужчиной выпадает не каждый раз.

– Вы не ответили на мой вопрос, Бенедикт. Куда мы идем? Почему? – Теперь она называла его только по имени. – Почему вы не отвечаете? Вы не находите, что это просто невежливо? Я могу и обидеться.

Они вышли из дома леди Хаммонд. Вечер был теплым и удивительно мягким. Бенедикт молчал.

– Я не отвечаю на ваши вопросы не для того, чтобы вас обидеть, а потому, что и сам пока не знаю, куда нам лучше пойти. – Его лицо в лунном свете выглядело загадочным и опасным. – Сегодня вечером вы вели себя слишком неосторожно, – начал выговаривать он. – Я уверен, если бы вы остались одна на балу, обязательно были бы втянуты в скандал. Поэтому я и решил увести вас.

– Но это нечестно, – задохнувшись от возмущения, проговорила Женевьева.

– Вы считаете, я поступил с вами нечестно? – Люцифер

удивленно поднял бровь. – Если бы я вовремя не вмешался, вас бы обманом завлек к себе в постель Сэндхерст для своих гнусных целей.

Женевьеве не хотелось признавать его правоту, хотя она прекрасно понимала, что он совершенно прав. Если бы он вовремя не вмешался, она попала бы в крайне неприятную историю. Хуже того, нечто подобное могло произойти с ней снова.

– Неужели любить балы и наслаждаться каждой минутой сезона – это преступление? – обиженно спросила она.

Бенедикт, нахмурившись, взглянул на Женевьеву. Ее прекрасные голубые глаза наполнились слезами. Неожиданно он вспомнил фразу Эрика Каргила: «Это та самая юная жена Джошуа Форстера, которую он увез в деревню сразу после первой брачной ночи». Он вдруг почувствовал невыносимую жалость к этой несчастной молодой женщине.

– Не хотелось бы возвращаться к теме, которая, я знаю, вам неприятна. Но неужели ваш брак с Джошуа был настолько ужасным?

– Совершенно невыносимым, – просто сказала она.

Значит, в течение шести лет Женевьева жила с настоящим деспотом, за которого против воли ее выдали родные. Потом пришлось выдержать год обязательного траура. Теперь впервые за долгие годы она смогла принять участие в лондонском сезоне. Можно ли осуждать ее за столь страстное желание наслаждаться каждым глотком свободы?

– Неужели Джошуа Форстер был настолько жесток с вами? Женевьеву передернуло от отвращения.

– Я не хочу об этом говорить, Бенедикт, – дрожащим голосом произнесла она. – Просто я не была на балах и вечеринках много лет. Это все, что вам нужно знать. И прошу вас, не надо больше к этому возвращаться.

– Я думаю, некоторые люди могли бы вам позавидовать. Ведь у вас была возможность заниматься каким-нибудь полезным любимым делом и не тратить время на пустые и ничемные балы. Возможно, судьба специально хранила вас от ошибок все эти годы, – попытался успокоить ее Бенедикт. Его тронуло искреннее отчаяние, промелькнувшее в глазах Женевьевы.

– Вы меня совсем не понимаете. У человека должна быть свобода выбора, а меня насильно ее лишили. Все эти годы я жила как в тюрьме. Вы говорите, найдутся люди, способные мне позавидовать? Но ведь они могут себе позволить посещать балы хоть каждый вечер. Может быть, это их и тяготит, но они вольны в своих поступках, – с горечью заметила Женевьева. Казалось, еще мгновение – и она расплачется.

– В отличие от вас? – уточнил Бенедикт.

– Я же сказала, что не хочу об этом говорить, – вздохнула она. – Давайте оставим этот разговор, он мне крайне неприятен.

Бенедикт, прищурившись, посмотрел на нее:

– Но чем вы занимались все эти годы в глуши?

– Вы слишком настойчивы! – Она гордо подняла голову. – Но так и быть, я отвечу. Честно говоря, большую часть времени я разрабатывала различные планы побега от деспота-мужа.

На несколько минут Бенедикт потерял дар речи. Потом рассмеялся. Так его позабавила искренняя, по-детски наивная горячность Женевьевы. Еще ни одна женщина не забавляла и не интриговала его так, как эта рыжеволосая дева, притворяющаяся распутницей.

Она удивленно подняла бровь.

– Почему вы смеетесь? Неужели подумали, что я шучу? – негодовала Женевьева.

Только теперь Бенедикт понял, что в ее словах не было ни тени шуток. Она говорила с ним совершенно серьезно. Он понял, что Женевьеву расстроили воспоминания, и решил развеять ее грусть какой-нибудь незамысловатой шуткой.

– Интересно, чем Джошуа Форстеру удалось вас так запугать? Неужели он был настолько зол и ужасен? – со смехом спросил он. – Можно подумать, он настоящее чудовище.

Женевьева взглянула на Бенедикта. В ее взгляде читались душевная боль и укор.

– Я не хочу говорить о покойном муже. Это невыносимо, – дрожащим голосом проговорила она. – Не понимаю, почему вы упорно не желаете меня понять и оставить наконец эту тему.

Бенедикт сразу же пожалел о своей глупой шутке. Еще

больше его выхода расстроила Женевьеву. Он ненадолго задумался, вспоминая, как часто видел Джошуа Форстера в обществе, хотя не был знаком с ним лично. Тот годился Бенедикту в отцы. Но он никогда не слышал, чтобы Джошуа был жесток по отношению к кому-либо. Правда, джентльмены из высшего общества вроде Джошуа умеют прятать свои секреты за закрытыми дверями. Бенедикт не знал, что этот тиран делал с Женевьевой, но одно то, что он заточил в глуши такую красивую, полную жизни молодую женщину, уже было, по его мнению, настоящим преступлением.

Бенедикт, нахмурившись, взглянул на Женевьеву. Он не мог в темноте разглядеть выражение ее глаз, тень, отбрасываемая капюшоном, почти полностью скрывала ее лицо. Он не знал, о чем она думает. Чтобы не расстраивать ее еще больше, Бенедикт поспешил перевести разговор на другую тему:

– А что вы имели в виду, когда говорили, что хотели бы как следует повеселиться и завести легкий флирт?

Женевьева подняла глаза. В ее взгляде опять читались упрек и душевная боль.

– Вы опять хотите посмеяться надо мной и моими мечтами? – с дрожью в голосе спросила она.

– И не думал над вами смеяться. Просто хотел узнать о ваших планах на этот сезон, чтобы сопровождать вас и уберечь от глупостей и ошибок.

– Неужели? – Женевьева с удивлением посмотрела на

него.

– Да, говорю вам чистую правду, – вздохнул Бенедикт. Он понимал, что зря поддержал Женевьеву в желаниях, неприличных для молодой леди. Он должен был объяснить, что это нехорошо и ей следует вести себя скромнее. Но не смог устоять перед грустным, полным боли взглядом Женевьевы, которая вздрагивала при одном упоминании о покойном муже.

Женевьева внимательно посмотрела на Люцифера. Ожидала найти в его взгляде насмешку, но его глаза оставались совершенно серьезными. Более того, во взгляде она прочла сочувствие, понимание и искреннее желание помочь. Это так ее растрогало, что она решилась ему рассказать о своих планах.

– Я бы хотела посетить Воксхолл-Гарденз с каким-нибудь джентльменом. Всю жизнь об этом мечтала. Может быть, вы согласитесь сопровождать меня туда? Конечно, я знаю вас совсем недолго, но мне кажется, что вы благородный джентльмен и не позволите себе ничего плохого.

Бенедикт удивился:

– По-вашему, я буду вести себя как настоящий джентльмен, если пойду с вами в Воксхолл-Гарденз? Почему вы так в этом уверены? Ведь вы меня совсем не знаете.

Она неуверенно посмотрела на него:

– Значит, вы можете позволить себе что-нибудь лишнее?

– Нет, – тяжело вздохнув, проговорил он. – Я не сделаю

вам ничего плохого. Удивляюсь тому, что вы способны пойти куда угодно с практически незнакомым мужчиной. Вы же не знаете моих истинных намерений. Удивительно, что за шесть недель сезона вы ни разу не попали в неприятную историю. Думаю, вам просто повезло.

– Вообще-то все эти шесть недель я выходила в свет со своими подругами Пандорой и Софией. Они всегда предупреждали меня, если рядом оказывался мужчина... с сомнительной репутацией, – призналась она.

Бенедикт знал, что недавно София и Пандора начали встречаться с его лучшими друзьями Данте и Рупертом. Теперь некому было предупреждать Женевьеву о том или ином нежелательном для нее знакомстве. Ее подруги слишком заняты своими романами.

– Значит, теперь вы будете оберегать меня от опасностей высшего света, словно падшего ангела? – смущенно спросила Женевьева.

– Я могу позволить себе провести с вами только один вечер. – Бенедикт пропустил ее слова о падшем ангеле. – У меня нет ни времени, ни желания следить за тем, чтобы вы не наделали глупостей во всем, что касается мужчин, по наивности и неопытности.

– Но вы будете следить за каждым моим шагом хотя бы один вечер?

В глазах Женевьевы мелькнул такой восторг, что Бенедикт опять не в силах был противостоять ей. В конце кон-

цов, она всего лишь собиралась отправиться с ним в Воксхолл-Гарденз, а не провести ночь.

– Конечно, если хотите, – сказал он.

– О, конечно же хочу! – с улыбкой воскликнула она. – Спасибо, Бенедикт. Как вы думаете, что мне надеть? Может быть...

– Вы вообще слышали, что я вам говорил? – довольно резко спросил он. Они направлялись к каретам. Он собирался посадить Женевиэву в ее карету и отправить домой. Там она будет в безопасности. А сам он планировал поехать в клуб. В этот вечер ему отчаянно хотелось выпить. – Я согласился сопровождать вас в Воксхолл-Гарденз, чтобы вы не наделали глупостей. И надеюсь, впредь вы станете умнее и осмотрительнее во всем, что касается мужчин.

– Может быть, надеть маски, чтобы нас никто не мог узнать? – как ни в чем не бывало продолжала Женевиэва. – Это будет так забавно.

– Женевиэва! – нетерпеливо воскликнул он.

– Что, Бенедикт? – спросила она, невинно глядя на него.

Бенедикт нахмурился. Эта рыжеволосая бестия – одна сплошная проблема. Он уже жалел, что заговорил с ней, когда они вышли из церкви после венчания, на котором были свидетелями.

Ему не давал покоя вопрос, почему он не хочет использовать Женевиэву в качестве прикрытия для своих шпионских дел. Ведь изначально он и собирался так поступить. Поче-

му-то теперь стал относиться к Женевьеве не так, как к другим женщинам.

– Значит, завтра вечером пойдем в Воксхолл-Гарденз. Вы довольны? – Он строго посмотрел на Женевьеву. – Или вы имели в виду какой-нибудь другой вечер?

– Нет, завтрашний вечер вполне подходит, – кивнула она. – Значит, вы решили меня сопровождать? О, как это мило с вашей стороны!

– Мы побродим по саду часа два, а потом разведемся по домам, – предупредил Бенедикт.

– А как насчет масок? Вы так и не ответили.

Он тяжело вздохнул, утомленный ее болтовней.

– Ну хорошо, если хотите, наденем маски, – нетерпеливо проговорил Бенедикт.

– О, конечно же! – воскликнула Женевьева, восторженно взглянув на него.

Он окинул ее осуждающим взглядом:

– Хочу предупредить – даже если мы наденем маски, нет никакой гарантии, что нас никто не узнает.

Женевьева удивленно подняла брови:

– Может быть, вы не хотите, чтобы кто-то увидел вас вместе? Например, для этого есть... веские причины?

– Даже если есть веские причины, почему это должно вас волновать? – спросил он.

Волновало ли ее это? Безусловно. Во всяком случае, так ей казалось.

Этим вечером Бенедикт стал для Женевьевы спасителем. Ведь если бы не он, неизвестно, что с ней могло бы произойти. Кто бы мог подумать, что граф Сэндхерст дойдет до такой низости. После сегодняшнего вечера Женевьева не сомневалась в том, что при необходимости Бенедикт всегда придет ей на помощь. Но при этом Женевьеве не хотелось навязываться ему, мешать его личной жизни.

– Может быть, у вас действительно есть веские причины не хотеть, чтобы нас видели вместе? – проговорила она, ее длинные ресницы затрепетали.

Бенедикт окинул ее взглядом с высоты своего огромного роста.

– Я вам уже объяснил, что у меня нет причин опасаться появляться с вами в обществе. Но это не означает, что я намерен проводить все свое свободное время с вами.

Ведь она могла решить, что, поскольку у него нет любимой женщины, он будет проводить с ней вечера и следить, чтобы она не наделала глупостей. Только этого не хватало!

– Ну тогда до завтрашнего вечера, – сказала Женевьева.

– До завтрашнего вечера, – эхом отозвался он. – А теперь позвольте помочь вам сесть в карету. Я должен быть уверен, что вы поедете домой, а не куда-нибудь еще. Тогда я смогу отправиться по своим делам со спокойной совестью.

– Вы едете куда-то развлечься? – спросила Женевьева.

«Развлечься. Кажется, она просто одержима этим словом», – нахмурившись, подумал Бенедикт.

Господи, ну что за попрыгунья, одни развлечения на уме. Впрочем, для такого поведения у нее есть причины. Возможно, все объясняется тем, что она прожила много лет в полном отсутствии развлечений. Женестьева больше похожа на юную девушку, первый раз принявшую участие в сезоне, чем на вдову богатого герцога. А может быть, это происходит потому, что Джошуа Форстер обращался с ней слишком жестоко? От этой мысли Бенедикта бросило в дрожь.

Однако, несмотря на жестокое обращение и несчастливый брак, Женестьева осталась наивной и жизнерадостной. И это хорошо. Раздражение Бенедикта понемногу проходило. Они уже успели дойти до кареты Женестьевы. Он шутливо щелкнул ее по вздернутому носику.

– Да, я еду развлечься. Но вы не сможете поехать туда вместе со мной. Женщинам там не место, малышка, – со смехом заявил Бенедикт.

– Вы едете в дом терпимости? – удивленно посмотрев на него, спросила она. – Но я всегда мечтала...

– Пожалуйста, только не говорите: «Я всю свою жизнь мечтала там побывать», – тяжело вздохнул Бенедикт.

– Нет, конечно же я никогда не хотела побывать в таких местах. Это было бы неприлично. Просто интересно...

– Нет, я не собираюсь в дом терпимости, Женестьева, – укоризненно глядя на нее, ответил Бенедикт. – А даже если бы я и ехал, ни за что не стал бы обсуждать это с вами. – Его передернуло от одной мысли обсуждать подобные темы

с Женевьевой. – Многие дамы нашего круга упали бы в обморок, если бы я посмел упомянуть в их присутствии о подобном заведении. Да, мы, мужчины, обсуждаем подобные вещи друг с другом, но никак не с дамами.

– Значит, вы не считаете меня леди, коль скоро я задаю такие вопросы?

Бенедикт ненадолго задумался. Нет, Женевьева, вне всякого сомнения, леди до кончиков ногтей. В чем-то гораздо благороднее дам его круга. Просто очень наивна и не всегда понимает, что уместно, а что нет. Она ранима и беспомощна как маленький ребенок. Кто угодно может обидеть ее. По мнению Бенедикта, это куда лучше лицемерия остальных дам, вполне искушенных в любви и отношениях с мужчинами. Всякий раз в разговоре с ними он заранее знал, что они скажут. Женевьева же, напротив, каждый раз поражала его каким-нибудь странным и по-детски наивным высказыванием.

– Нет, вы настоящая леди, – проговорил он наконец. – Просто ваше мироощущение очень сильно отличается от мироощущения женщин моего круга. Вы очень простодушны и неопытны. Только и всего.

– Это хорошо или плохо? – Женевьева взглянула на него с подозрением. Ей казалось, что Бенедикт решил посмеяться над ней. Если так, наверное, не стоит идти с ним в Воксхолл-Гарденз. До завтрашнего вечера еще есть время все обдумать и проанализировать, так что беспокоиться пока не о

чем.

– Это и хорошо, и плохо, – иронически улыбнулся Бенедикт. – Вы летите на огонь словно бабочка. И рискуете когда-нибудь опалить свои крылышки.

Женевьева покраснела:

– А я могу опалить крылышки, отправившись в Воксхолл-Гарденз с вами?

– Нет, я для этого слишком стар и устал от жизни, – тяжело вздохнув, сказал Бенедикт. – Не беспокойтесь, малышка.

Женевьева внимательно посмотрела на Бенедикта. Да, судя по всему, он искушен и в жизни, и в любви. Но что-то ей подсказывало, что ему можно было доверять. Ведь сегодня вечером он был так добр по отношению к ней и искренне беспокоился о ее участи. Значит, этот мужчина по-настоящему благороден и не позволит себе ничего лишнего по отношению к незащитной женщине.

Женевьева ласково улыбнулась ему:

– Я с нетерпением жду нашей встречи в Воксхолл-Гарденз. До завтра, Бенедикт. – С этими словами она встала на цыпочки и поцеловала его в щеку.

Помахав рукой ему на прощание, она направилась к своей карете. Приказала кучеру трогаться, все еще улыбаясь каким-то своим мыслям, и оглянулась. Бенедикт стоял у своей кареты, нахмурившись. Судя по всему, его смутил поцелуй.

Женевьева вспомнила, что завтра она будет в Воксхолл-Гарденз с Бенедиктом, и опять счастливо улыбнулась.

– Как вам удалось пройти? Я дала дворецкому твердые указания отвечать вам, что меня нет дома, – сказала Женевьева.

Разговор происходил в холле ее лондонского дома. Она с нескрываемой неприязнью смотрела на незваного гостя, пожаловавшего к ней на следующее утро после бала. Женевьева спрятала руки за спину, чтобы гость не увидел, как они дрожат. Неожиданный визит очень взволновал и даже испугал ее.

Все утро Женевьева принимала гостей. Множество джентльменов пришли к ней засвидетельствовать свое почтение. Они дарили ей цветы и шоколадные конфеты, говорили комплименты. Многие дамы, бывшие на балу у леди Хаммонд, тоже нанесли ей визит. Женевьева понимала, что ими движет любопытство. Ведь Бенедикт Лукас не танцевал с дамами уже много лет. А тут, не задумываясь, пригласил ее на танец. При мысли о том, что она стала единственной, кого он пригласил, Женевьеву переполняло странное волнение.

Дамам не давал покоя вопрос, провела она ночь с Бенедиктом Лукасом или нет. Но из деликатности они не решались спросить ее об этом.

Хотя Женевьева понимала, что стала популярна в свете только благодаря танцу с Люцифером, внимание общества

было ей приятно.

Тем не менее неожиданный визит молодого джентльмена, который в эту минуту стоял перед ней, был крайне неприятен.

– Да, ваш дворецкий сказал, что вас нет дома. Но, как я вижу, он ошибся. Ведь вы все-таки дома, – насмешливо улыбаясь, проговорил Уильям Форстер, сын Джошуа и пасынок Женеьевы.

Он с презрением взглянул на смущенного потерянного дворецкого, стоявшего рядом.

– Вы можете идти, Дженкинс. – Женеьева ободряюще улыбнулась пожилому дворецкому.

Когда тот вышел, она опять недовольно взглянула на незваного гостя.

Уильяму было двадцать девять лет. Внешне он очень напоминал своего отца. Это сходство всегда удивляло и даже пугало Женеьеву. Он никогда не скрывал ни своей неприязни к ней, ни своего недовольства по поводу второго брака отца. Женеьева тоже была не в восторге от второго брака отца Уильяма. Это было единственное, в чем они сходились.

Пасынок надменно взглянул на нее.

– От своих близких знакомых я слышал, что последние шесть недель вы ни в чем себе не отказываете и получаете удовольствие от сезона в полной мере. Иногда ваше стремление развлечься берет верх над здравым смыслом, – насмешливо проговорил Уильям.

– Как вы смеете шпионить за мной? – рассердилась Женевьева. Легкая краска залила ее щеки. Ну нет! Хватит! Она достаточно натерпелась от Джошуа и не позволит Уильяму запугивать ее так же, как когда-то запугал его отец.

– Я и не думал шпионить за вами, – презрительно глядя на нее, ответил Уильям. – Просто весь свет знает, что вы вместе с двумя своими безмозглыми подружками развлекаетесь, ни в чем себе не отказывая.

– Вот как? Безмозглыми подружками? Вы говорите о герцогинях Клейборн и Виндвуд? – нахмурилась Женевьева. Интересно, почему Уильям решил нанести ей визит сегодня? Ведь он терпеть ее не мог и никогда не пришел бы в гости просто так. Для визита должна быть веская причина. Но какая – вот вопрос. – Что касается меня, я не считаю их безмозглыми.

– Это только ваше мнение, – окатив ее новой порцией презрения, проворчал Уильям. – И я, как здравомыслящий человек, не стану к нему прислушиваться. Как можно прислушиваться к мнению женщины, которая позволяет себе черт знает что с Бенедиктом Лукасом? Ни для кого не секрет, какая у него репутация.

– Какое вам до этого дело? – Женевьева возмущенно подняла голову.

– Очень большое, мадам. Кстати, граф Рамси тоже видел вас вчера с Лукасом. Вы знакомы с графом?

Женевьева кивнула, но не могла вспомнить, где и при ка-

ких обстоятельствах с ним познакомилась и разговаривала ли хотя бы раз.

– Да, кажется, однажды нас представили друг другу. А потом мы встречались еще пару раз.

– Вчера вечером Рамси присутствовал на балу у леди Хаммонд. Но вы вряд ли его заметили. Ведь вы были слишком увлечены сначала Сэндхерстом, потом переключились на Лукаса.

В этом Уильям был прав. В тот вечер она действительно ничего не замечала вокруг и не знала, присутствовал на балу граф Рамси или нет. Собственно, ей нет до него дела.

– Это все очень интересно, Уильям, но...

– Интересно, Люциферу повезло больше, чем моему отцу? – перебил он. – Отцу пришлось на вас жениться, чтобы затащить в постель. А Люциферу, судя по всему, удалось это сделать без венчания, – все так же презрительно улыбаясь, процедил Уильям.

Женевьева побледнела, настолько уязвила его грубость.

– Почему вы разговариваете со мной как с продажной женщиной? – дрожащим голосом спросила она. – Чем я это заслужила?

– А как мне с вами разговаривать? Я никогда не понимал, почему отец женился на девушке без приданого и положения в обществе. Я вообще не понимаю таких браков.

– Я тоже не понимаю. Мне этот брак был так же противен, как и вам. И вы это прекрасно знаете. Я надеялась, что по-

сле смерти мужа избавилась от тирании вашего семейства. А теперь вы не хотите оставить меня в покое. — Женестьева так сильно сжала кулаки, что ногти впились в ладони.

Уильям посмотрел на нее с притворной жалостью:

— Да, вам не позавидуешь. Вы прожили в аду целых шесть лет. Скажите спасибо своему брату.

Женестьева сделала два шага вперед. Взгляд ее стал угрожающим. Казалось, она с трудом сдерживается, чтобы не наброситься на него.

— Мой брат погиб шесть лет назад. Так что советую выбирать выражения, сэр.

— Он сам виноват. Он был трусом. Я всегда это знал.

— Меня не интересует ваше мнение по этому поводу, сэр. Кстати, в смерти моего брата виноват ваш отец. Он не сдержал обещания и жестоко обманул его.

Женестьева вспомнила события многолетней давности. Ей было тогда восемнадцать лет. Она практически не знала Джошуа, когда Колин предложил ей выйти за него замуж. Сначала она категорически отказалась. Но ее брат, заядлый игрок, задолжал кому-то огромную сумму денег. Джошуа обещал оплатить этот долг в обмен на Женестьеву. Ей не хотелось выходить замуж за человека намного старше ее, к тому же практически незнакомого и совсем не любимого. Но, пожалев брата, она ответила на предложение Джошуа согласием.

Женестьева вздрогнула от отвращения. Эта отвратитель-

ная ночь, с которой и начался этот кошмарный брак. Воспоминания о ней до сих пор вызывали у Женестьевы содрога-ние и отвращение, а шесть лет заточения – душевную боль и обиду. С каждым днем жестокость Джошуа по отношению к ней росла.

Самое ужасное, что он не сдержал обещания, данного Ко-лину. После того как Женестьева стала его женой, он не пога-сил долгов брата. Его положение становилось все более от-чаянным.

Однажды он приехал в усадьбу Джошуа и попросил по-мощи. Но муж Женестьевы наотрез отказал ему. Колин при-шел в отчаяние. Он успел заметить, насколько Женестьева несчастлива в браке. К тому же его страшила собственная участь. И вне себя от горя, он повесился на дереве в лесу ря-дом с именем Вуллertoнов.

Женестьева вернулась к реальности. Уильям Фостер смот-рел на нее так же безжалостно, как когда-то ее муж.

– Ваш брат был слабым человеком. К тому же настоящим глупцом. Почему он не взял с моего отца расписку, что тот обязуется выплатить долг после того, как вы выйдете за него замуж?

– Ваш отец поступил не по-джентльменски, не выполнив обещания, – парировала Женестьева. – Нечестно по отноше-нию к бедному Колину.

– Нечестно? – язвительно улыбнулся Уильям. – Зачем от-цу было выполнять обещание, данное какому-то проходим-

цу, если он уже женился на вас и удовлетворил свои потребности? Другое дело, если бы ваш брат взял с него расписку. Тогда бы отцу было не отвертеться, волей-неволей пришлось бы платить. Кто виноват, что Колин оказался таким глупцом?

Женевьева еще сильнее сжала кулаки и почувствовала резкую боль, когда ногти впились в ладони.

– Вон из моего дома! – задыхаясь от гнева, выкрикнула она.

– Я никуда не уйду, пока мы не поговорим, – невозмутимо произнес Уильям. – Цель моего визита к вам...

– Я не желаю ничего слушать. Вон из дома, – холодно проговорила Женевьева. Ее душил гнев.

– Интересно, кто сможет меня выгнать? Ваш престарелый дворецкий? – вызывающе глядя на нее, поинтересовался Уильям. – Или ваш любовник Бенедикт Лукас? Насколько я знаю, он никогда не ввязывается в драки ради любовниц.

Взгляд Уильяма был безжалостным и презрительным. Так когда-то смотрел на нее Джошуа. Женевьева поехала, дрожь пробежала по всему телу.

– Я не его любовница! – Ее глаза сверкали от гнева.

– Я так и думал. – Уильям скривил рот в презрительной усмешке. – Он никогда не стал бы заводить отношений с подобной женщиной.

– С подобной женщиной? Что вы имеете в виду? И какое вам до этого дело, сэр? – гневно спросила Женевьева.

– Не знаю, хорошо это или плохо, но вы – вдова моего отца. – В его холодных серых глазах мелькнуло отвращение. – Завтра утром у меня помолвка с дочерью графа Рамси. Эта свадьба выгодна не только мне, но и ему. Мы собираемся пожениться через месяц.

– Зачем вы говорите мне об этом? Чтобы я предупредила вашу бедную невесту о том, каков подлец ее будущий муж? Не трогайте меня! – Женестьева вскрикнула от боли, когда Уильям что есть силы сжал ей запястье.

Ее трясло от отвращения. Было противно даже малейшее прикосновение этого человека.

– Я не позволю вам так со мной разговаривать. Мне нужно серьезно поговорить с вами. Не перебивайте меня. – Уильям приблизился к ней настолько, что его жаркое дыхание обожгло ей лицо.

– Что вам от меня нужно? – Женестьева старалась, чтобы ее голос звучал как можно спокойнее.

– Для Рамси очень важно общественное мнение. Вряд ли ему понравится, если мачеха жениха его единственной дочери будет заниматься распутством с человеком вроде Люцифера. Поэтому я настоятельно рекомендую прекратить с ним отношения и вообще забыть о его существовании.

– Вы не имеете права вмешиваться в мою личную жизнь, – резко ответила Женестьева.

– Я так и знал, что вы это скажете, – нагло глядя на нее, произнес Уильям. – Но если вы меня не слушаетесь и ваше

поведение помешает моей свадьбе, я сделаю все, чтобы ваши отношения с Люцифером прекратились. Я не шучу, Женестьева. Вы меня поняли?

В эту минуту он как никогда походил на своего отца. Такой же резкий голос, безжалостный взгляд.

– Боже мой, как же я вас ненавижу! – задыхаясь, воскликнула Женестьева.

Больше всего на свете ей хотелось, чтобы этот разговор наконец прекратился и этот ненавистный человек ушел и унес с собой страшные воспоминания, вызывающие почти физическую боль. Женестьева хотелось забыть о своей первой брачной ночи, о жизни в глуши с жестоким мужем, контролирующим каждый ее шаг. Ей вдруг вспомнилось, как несколько раз она сбегала от него, но ее каждый раз возвращали и Уильям по просьбе Джошуа жестоко избивал ее. Даже в этом Уильям был похож на своего отца. Он тоже грубо обращался с женщинами. Он так сильно сжал ей руку, что она до сих пор болела.

– Я вас тоже ненавижу, – сказал Уильям. – Но это не имеет никакого значения! Вы должны разорвать эту скандальную связь с Люцифером.

С этими словами он опять больно сжал ее руку и выкрутил так, что Женестьева вскрикнула от боли. Уильям невозмутимо разглаживал свои перчатки для верховой езды, пока Женестьева терла руку, которая нестерпимо болела.

Господи! Как же она ненавидела Уильяма и его отца. Джо-

шуа умер, но Уильям до сих пор не желает оставить ее в покое.

Но больше всего она ненавидела пасынка за то, что ей придется послушаться его. Она знала, что не сможет противостоять ему. Так же, как когда-то она беспрекословно слушалась Джошуа, ей придется выполнить требования его сына.

– Уходите! – холодно сказала она.

– Я уйду только тогда, когда приведу себя в порядок, – спокойно сказал Уильям, продолжая разглаживать перчатку.

– Нет, уходите сейчас же, – сказала Женестьева. Голова ее кружилась. Она едва стояла на ногах. Словно в тумане она видела, как Уильям, насмешливо улыбнувшись, идет по направлению к входной двери.

Когда он ушел, Женестьева без сил упала на ковер и заплакала. Боль в руке была просто нестерпимой. Но плакала она не только от боли, но и от собственного бессилия. Целый год Женестьева прожила в полной уверенности, что после смерти Джошуа стала свободной и независимой. Но жестокий и бессердечный Форстер-младший разрушил эту иллюзию и разбил ее хрупкое счастье.

Глава 4

... Сначала приехал Шеффилд, а потом, спустя несколько минут, Дэниел Робсон и Билли Суммерсбай. Они такие милые. Раньше граф Суффолк не обращал на меня внимания. А теперь приехал и предложил прокатиться по парку завтра утром. Это целиком и полностью ваша заслуга, Бенедикт. Если бы вы вчера вечером не пригласили меня на танец, они бы меня даже не заметили.

Женевьева не замолкала ни на секунду. Ее болтовня так утомила Бенедикта, что он уже начал сомневаться, правильно ли сделал, согласившись сопровождать ее. Час назад он заехал за ней домой, и теперь они плыли на лодке по Темзе по направлению к Воксхолл-Гарденз. Женевьева болтала всякий вздор. Он не ожидал, что голова этой неглупой, непохожей на других девушки может быть забита такой ерундой. Впрочем, Женевьева постоянно удивляла его. Каждую минуту он узнавал что-нибудь новое, открывалась другая, доселе неведомая сторона ее характера. Ему нравилось общение с этой удивительной женщиной. Он с нетерпением ждал сегодняшней встречи. Но за этот вечер болтовня Женевьевы успела его порядком утомить.

– Женевьева... – нетерпеливо проговорил Бенедикт, решившись наконец прервать нескончаемый поток слов.

– И я очень признательна вам... – не услышав его репли-

ки, продолжала она.

– Женестьева! – окончательно теряя терпение, повторил Бенедикт.

– ...признательна за ту популярность в обществе, которую я получила благодаря вам.

– Женестьева!

Наконец, услышав нетерпение и даже легкое раздражение в голосе Бенедикта, она замолчала, смущенно посмотрела на него сквозь прорези в золотистой маске, скрывавшей половину ее лица. В этот вечер Женестьева надела длинный плащ, полностью скрывающий платье.

– Я просто... – робко начала она.

– Я уже понял, что вы хотели меня поблагодарить. Вы говорите об этом уже целый час и не даете вставить мне даже слова. – Бенедикт нетерпеливо оборвал новый поток ее болтовни. – Мне кажется, вас что-то мучает и вы пытаетесь скрыть это ничего не значащим разговором. Что случилось?

Женестьева вздрогнула и испугано посмотрела на него. Как он догадался?

– Я думала, мой рассказ о сегодняшних визитах позабавит вас, – смутилась она.

– Нет, на самом деле вы так не думали, и причина болтовни в чем-то другом. – Бенедикту было совершенно не интересно слушать о визитах к ней джентльменов и дам. И Женестьева не могла не понимать это. – Мне кажется, сегодня утром с вами произошла какая-то неприятность. Иначе вы

не болтали бы весь этот светский вздор.

Женевьева в очередной раз поразила его проницательности. Он был совершенно прав. Она всегда смеялась над глупыми молодыми женщинами, которые забивают себе голову светским вздором и не переставая обсуждают это. Она никогда так себя не вела. Может быть, Бенедикт прав, и причина этого странного, несвойственного ей поведения кроется в сегодняшнем визите Уильяма и его угрозах?

Да, наверное, дело именно в этом. Весь вечер она умирала от страха, поскольку осмелилась послушаться его приказания и не только не разорвала отношений с Бенедиктом, но и отправилась с ним в Воксхолл-Гарденз.

Сначала она думала, что не сможет воспротивиться воле пасынка, и под благовидным предлогом решила отменить сегодняшнюю встречу с Бенедиктом. Ведь Уильям не просил, а требовал, чтобы она прекратила с тем всякие отношения. Мало того, угрожал ей. Но потом Женевьева решила, что не станет выполнять требований ненавистного Форстера-младшего. Хватит и того, что в свое время она беспрекословно слушалась его отца. К тому же они с Бенедиктом в масках и никто не мог узнать их.

Хотя Женевьева практически не знала Бенедикта, но успела привязаться к нему, нуждалась в его обществе. Сейчас Женевьева находилась в компании самого завидного жениха Лондона, красивого, обаятельного и загадочного Люцифера. Она мечтала об этом всю жизнь. Но мысль об угрозах Уилья-

ма отравляла ей прекрасный вечер. Потому, чтобы скрыть подавленное настроение и страх, она начала болтать всякую чепуху. Немудрено, что умный и проницательный Бенедикт это заметил.

В призрачном лунном свете он выглядел особенно привлекательно. Он был в черном плаще, из-под которого выглядывала белоснежная рубашка. Половину лица скрывала черная маска, которая очень шла к элегантному черному цилиндру. Маска делала Бенедикта еще более загадочным, чем обычно. Хотя еще вчера Женестьева подумала бы, что это невозможно.

Она вымученно улыбнулась, чтобы скрыть волнение.

– Почему вы решили, что со мной произошло что-то плохое? Что вообще может со мной случиться? – Она старалась придать голосу беспечности.

– Я успел изучить вас и понял, что подобное поведение вам несвойственно, – сухо пояснил Бенедикт. – Женестьева, которую я знаю, никогда не стала бы болтать вздор. Пустяки ее попросту не интересуют.

– Вы мне льстите.

– Я говорю чистую правду. Мне и в голову не приходило льстить вам, – резко сказал Бенедикт.

Женестьева потупилась. Она не решалась смотреть в эти жгучие бездонные черные глаза. В них можно было утонуть как в омуте.

– Ну хорошо, – неуверенно проговорила она. – Может

быть, в чем-то вы и правы. Но как вы догадались?

– Я всегда знаю, когда мне говорят правду, а когда лгут, – строго глядя на нее, ответил Бенедикт. – А вы явно лжете.

Женевьева вздрогнула, так испугал и поразил ее безжалостный тон Бенедикта. Интересно, а что он делает с теми, кто ему лжет?

– Почему бы нам не оставить этот разговор, Бенедикт? Зачем портить такой чудесный романтический вечер? Разве вам не нравится плыть со мной в лодке по реке, залитой лунным светом? И...

Не успела Женевьева опомниться, как он притянул ее к себе и впился в ее губы долгим и страстным поцелуем. Этот поступок настолько удивил ее, что некоторое время она не могла пошевелиться. Да он просто настоящий Люцифер!

Бенедикт нежно, хотя и не без настойчивости целовал Женевьеву, обняв за талию. Он изучал ее губы, словно пробуя на вкус, иногда слегка покусывал их.

Самое удивительное, что этот неожиданный и дерзкий поцелуй не вызвал у Женевьевы отвращения. Он не походил на ужасные поцелуи покойного мужа. Оправившись от удивления, она стала отвечать на поцелуи. Сначала робко, потом все смелее и смелее.

Женевьева прижалась к сильной мускулистой груди Бенедикта. Отстранившись, Бенедикт взглянул на нее черными, полными тайн и загадок глазами.

– Так что у вас произошло сегодня, Женевьева? – спро-

сил Бенедикт. Глаза его блеснули. – И прошу вас на этот раз сказать мне правду.

– Я... – Женестьева тряхнула головой, чтобы собраться с мыслями. Этот неожиданный поцелуй и собственная реакция на него поразили ее, теперь ей было сложно на чем-нибудь сосредоточиться. – Это нечестно, Бенедикт. Так не поступают джентльмены. Вы специально сбили меня с толку поцелуем, чтобы вывести правду.

Бенедикт прищурился. Женестьева поняла, что он улыбнулся, хотя лицо его было скрыто маской.

– Так значит, сегодня у вас действительно что-то произошло, – заключил он.

Женестьева нахмурилась, поняв, что случайно раскрыла ему свой секрет.

– У меня не произошло сегодня ничего особенного, – сказала Женестьева. – Мне не о чем вам рассказывать.

– Женестьева! – строго глядя на нее, воскликнул Бенедикт.

– Прекратите разговаривать со мной как с непослушным ребенком. – Онаправила платье, хотя в этом не было нужды.

Упрямство Женестьевы вызвало у него легкое раздражение. Но он понимал, что она не виновата и следует быть с ней терпеливее. Сегодня утром с ней явно произошло что-то, крайне ее взволновавшее. А теперь этот его поцелуй и настоячивые вопросы. Возможно, существует причина, по которой она не хочет на них отвечать.

– Если бы я относился к вам как к ребенку, не пригласил бы сюда и уж тем более не стал целовать, – недовольно сказал Бенедикт. Он решил поцеловать Женевьеву только для того, чтобы прекратить поток бессвязной, изрядно надоевшей болтовни. Но теперь пожалел об этом, так как чувствовал странное напряжение во всем теле и возбуждение. Он понял, что Женевьева очень привлекает его как женщина.

Она покраснела.

– Нет, я была не права. Теперь я это понимаю, – смущенно проговорила она. – Давайте продолжим этот разговор, когда доберемся до Воксхолл-Гарденз. Обещаю, я все расскажу. Но не сейчас.

Она с беспокойством взглянула на гребца, сидящего впереди.

Бенедикт подумал, что присутствие незнакомого человека – лишь повод для того, чтобы отложить разговор. Упорное нежелание Женевьевы отвечать на вопросы только подстегивало любопытство. Что же такое могло произойти с этой молодой женщиной?

– Хорошо, – согласился Бенедикт, – тем более мы уже на месте.

Гребец пришвартовал лодку у пристани. Бенедикт поднял корзинку для пикника и помог Женевьеве выбраться на берег. Правда, как только он коснулся ее руки, она вскрикнула от боли.

– Что с вами? Я причинил вам боль? У вас болит рука?

Женевьева стояла, опустив глаза, стараясь не смотреть на него.

– Сегодня, когда я шла одеваться, прищемила руку дверью, – сказала Женевьева.

– Как неосторожно с вашей стороны.

– Да, иногда я бываю очень неловкой. – Она почувствовала, что он догадался о лжи. Этот человек очень проницателен. Неудивительно, что все боятся его. Такого гордого и отстраненного. Наверное, он держит дистанцию даже с женщинами, которым посчастливилось стать его любовницами.

Посчастливилось?

Только теперь Женевьева поняла, что искренне завидует женщинам, побывавшим любовницами Бенедикта. Но боль в руке напомнила о визите Уильяма Форстера. Он не оставит ее в покое, сделает все, чтобы помешать ее отношениям с Бенедиктом. Сегодня он угрожал и чуть не сломал ей руку. А что сделает в следующий раз? Ей вдруг вспомнилась Шарлотта Дарби, дочь графа Рамси.

Женевьева несколько раз видела ее. Это была девушка лет двадцати, довольно хорошенькая. Наверное, она мечтала о предстоящем браке с Уильямом. Ведь он настоящий герцог.

Но девушка и не догадывается, что ждет ее в этом браке. Уильям Форстер станет для юной мечтательной и неопытной девушки настоящим адом. Он так похож на своего отца. Такой же жестокий и порочный, как Джошуа.

Шарлотта вполне может повторить ее собственную судь-

бу. При этой мысли Женестьева содрогнулась от отвращения. Нет, нельзя допустить, чтобы это юное невинное создание страдало так же, как когда-то она.

– Почему вы молчите? Да, я говорил, что меня утомила ваша пустая болтовня, но не имел в виду, что вы должны вообще замолчать, – сказал Бенедикт.

Заплатив за вход, они прошли в сад через большие ворота и теперь неспешно прогуливались по дорожкам, посыпанным гравием. Сад был ярко освещен фонариками. Все это время Женестьева пребывала в глубокой задумчивости. Бенедикт сгорал от любопытства, гадая, в чем причина ее рассеянности. В сегодняшнем происшествии или в чем-то другом?

Вернувшись к реальности, Женестьева виновато посмотрела на него.

– Господи! Как красиво! – воскликнула она.

Ее глаза заблестели от восторга, когда она огляделась. На деревьях были развешаны разноцветные фонарики, вдали играла музыка и журчали фонтаны. Люди весело смеялись и вполголоса переговаривались.

Бенедикт не случайно пригласил ее сюда после наступления темноты. Он знал, что цветные фонарики вызовут у молодой женщины настоящий восторг. Но теперь, почувствовав сильнейшее возбуждение, причиной которого стал поцелуй, Бенедикт уже не считал посещение сада поздним вечером такой уж хорошей идеей. Среди зарослей и деревьев бы-

ло множество укромных уголков. Он боялся, что не справится с вожделением и позволит себе что-нибудь лишнее с Женеьевой. Ему не хотелось обманывать доверие этой наивной не по годам женщины. Время от времени в саду тут и там слышались чьи-то сладострастные стоны и нежное воркование. Судя по всему, некоторые парочки воспользовались укромными уголками сада для любовных утех.

Но, похоже, Женеьева ничего не замечала. Она доверчиво взяла его под руку и ласково улыбнулась:

– Боже мой, как красиво! Я всегда знала, что это такое прекрасное место! Но увиденное превзошло все мои ожидания. Давайте пойдем к колоннаде. Я слышала, там такие великолепные фонтаны. И еще я хотела бы послушать уличных музыкантов. А потом...

– Вы опять начинаете болтать, Женеьева, – устало проговорил Бенедикт.

Он был рад, что его друзья Данте и Руперт, которые прошли мимо них, не узнали его. Они были поглощены разговором со своими спутницами и не замечали ничего вокруг. Если бы они увидели его в эту минуту, бог знает, чем мог закончиться этот вечер.

Присутствие Женеьевы кружило ему голову, желание обладать ею становилось нестерпимым. В этот вечер она была особенно хороша. Плащ распахнулся, и он увидел пышную грудь в глубоком вырезе платья. Легкий аромат цветочных духов, исходящий от нее, сводил его с ума.

Больше всего Бенедикту хотелось уединиться с Женевьевой в каком-нибудь укромном уголке сада и повторить поцелуи. Перейти границы, дать наконец выход вожделению. Но он пересилил себя и, отогнав эти мысли, продолжил чинную прогулку по дорожкам.

– Подумать только! Я нахожусь в прекраснейшем саду с самым красивым и обаятельным мужчиной во всей Англии, – восторгалась Женевьева.

Бенедикт посмотрел на нее с легким ироническим прищуром.

– Если надеетесь соблазнить меня с помощью лести, у вас ничего не выйдет, – усмехнувшись, предупредил он. – Однако вы сможете добиться моего расположения, если все же откровенно расскажете, что с вами сегодня произошло.

– Вы такой зануда, Бенедикт, – нахмурилась Женевьева. – Сколько можно к этому возвращаться?

– Да, вы совершенно правы, я ужасный зануда, – со смехом согласился он. – Итак, что произошло с вами сегодня?

– В этом действительно нет ничего интересного, – тяжело вздохнула она.

– Все равно расскажите мне об этом, – не отставал Бенедикт. – И позвольте мне самому решить, интересно это или нет.

Женевьева опять тяжело вздохнула:

– Ну хорошо, я расскажу вам о сегодняшнем происшествии, если вы так настаиваете. Утром ко мне приходил мой

пасынок.

– Уильям Форстер? – презрительно прищурившись, уточнил Бенедикт.

– Да.

– И что было дальше?

– Ничего. Просто мы терпеть не можем друг друга. Вот и все, – со вздохом произнесла она.

– Вот и все? Но зачем тогда он к вам приходил? – усмехнулся Бенедикт. Он почувствовал, как задрожала рука Женевьевы. Та самая, которую она якобы прижала дверью.

– По воле случая мы стали родственниками, хотя терпеть друг друга не можем. Я его мачеха.

– Я знаю, что вы его мачеха, Женевьева, – перебил Бенедикт. – Но я также знаю, что Уильям Форстер вовсе не из тех людей, которые наносят визиты вежливости.

Женевьева резко остановилась и недоверчиво взглянула на Бенедикта.

– Вы знакомы с Уильямом Форстером? – спросила она.

– Нет, но наслышан о нем, – поморщился он. – Судя по слухам, он нехороший человек.

Бенедикту вспомнились гнусные истории об Уильяме Форстере, которые рассказывали в фешенебельных лондонских клубах. Говорили, что он – частый гость в самых грязных притонах и захудалых борделях Лондона и любитель гадкого изощренного разврата.

Женевьева немного успокоилась:

– Согласна с вами. Его действительно трудно назвать приятным человеком. Тем не менее мы родственники и не должны опускаться до взаимных оскорблений. Вот почему я ни с кем не хочу обсуждать его недостатки. Кстати, завтра у него помолвка с дочерью графа Рамси. Наверное, об этом напишут во всех лондонских газетах. В следующем месяце они собираются пожениться.

– Интересно, он пригласит вас на свадьбу?

– Боже мой, надеюсь, нет! – Эти слова вырвались у Женеьевы совершенно непроизвольно. Ей сразу стало стыдно за это свое восклицание, щеки залила краска стыда. Она вырвала у Бенедикта руку. Навстречу им шла компания гуляющих, пришлось посторониться, чтобы их пропустить. – Я не то хотела сказать. Уильям пришел ко мне сообщить, что в следующем месяце после его свадьбы я официально становлюсь вдовой герцога.

– Неужели? И это все?

– Конечно. Зачем еще ему было ко мне приходиться?

– Не знаю. И надеюсь, вы мне об этом расскажете сами.

Женеьеве не хотелось рассказывать Бенедикту о визите Уильяма Форстера. Воспоминания о тех унижениях и оскорблениях, которые он нанес ей, до сих пор причиняли почти физическую боль. А говорить об этом было еще более невыносимо. Женеьева боялась, что, заговорив об этом с Бенедиктом, она расплчется. А ей не хотелось показывать слабые стороны своего характера этому привлекательному и

умному мужчине.

– Мне нечего рассказывать. Ничего особенного не произошло, – твердо заявила она. – Он просто сообщил мне о своей свадьбе и ушел.

– И все? Мне кажется, вы что-то недоговариваете, скрываете от меня?

– Ну вот вы опять! Мы так хорошо проводим время. Гуляем по прекраснейшему саду. Зачем портить такой замечательный вечер? – Голос ее звенел от волнения.

– Значит, вы не хотите говорить со мной о Форстере? – язвительно улыбаясь, уточнил Бенедикт.

– Да, я вообще больше ни о чем не хочу говорить, – резко оборвала Женевьева. – Я хочу спокойно прогуливаться вместе с вами и наслаждаться садом.

– Но до этого вы без умолку болтали о графе Суффолке, который пригласил вас прокатиться на лошадях завтра утром, – невозмутимо констатировал Бенедикт.

– Значит, вы все-таки вслушивались в мою болтовню? – удивилась Женевьева.

– Да, ловил каждое ваше слово, хотя, признаться, это довольно утомительно.

– Иногда вы бываете таким злым, Бенедикт.

– Может быть. Но лучше быть злым, чем глупцом. И должен предупредить, намерения графа Суффолка в отношении вас не так уж безобидны, как может показаться на первый взгляд. Думаю, при первой же возможности он заманит вас

в рошу и сделает с вами все, что пожелает.

Глаза Бенедикта в призрачном свете луны сверкали поистине дьявольским огнем.

– Неужели вы считаете, что все мало-мальски привлекательные мужчины из высшего общества думают только о том, чтобы обманным путем затащить женщину в постель?

– Я не говорил, что все привлекательные мужчины из высшего общества такие, – пожав плечами, возразил Бенедикт. – Просто счел своим долгом предупредить вас относительно Сэндхерста и Суффолка. Судя по тому, что я о них слышал, эти негодяи именно так и поступают. У них одна цель – разврат. И они ни перед чем не останавливаются. А для такой наивной женщины, как вы, они представляют реальную угрозу.

– Вам не кажется, что, предупреждая меня об опасностях света, вы переступаете границы нашей дружбы и вторгаетесь в мою жизнь? – надменно глядя на него, проговорила Женевьева. – Ведь мы с вами так мало знакомы.

– А разве мы не преступили границ дружбы во время поцелуя? – усмехнулся Бенедикт.

Внезапно подул холодный вечерний ветер, и Женевьева застегнула плащ.

– Вообще-то инициатором поцелуя были вы, а не я, – уточнила она. – Так что вы, а не я переступили границы нашей дружбы.

– Можете думать что хотите. Но, по-моему, вы с радостью

ответили на поцелуй. Или я ошибаюсь, вы были против?

Женевьева покраснела от смущения:

– Да, ответила. А что мне еще оставалось? В любом случае это ничего не меняет. Все равно инициатором поцелуя были вы, а не я.

– А мне показалось, что вы получали истинное наслаждение от этого, – коварно улыбнулся Бенедикт. – Более того, могу поклясться, вы с нетерпением ждете еще одного поцелуя. Возможно, не отказались бы даже пойти дальше.

Женевьева ненадолго задумалась. Интересно, боится она близости с ним или наоборот мечтает о ней? Наверное, мечтает. Иначе не ответила бы на поцелуй с такой готовностью.

– Вы просто невыносимы, Бенедикт.

Люцифер рассмеялся.

– Не вижу ничего смешного.

– Вы странная женщина, Женевьева. – Он продолжал смеяться. – Готовы довериться любому мужчине. Согласились встретиться с Суффолком завтра утром в парке, хотя совсем его не знаете. А теперь прогуливаетесь со мной, хотя прекрасно понимаете, что нравитесь мне как женщина и я думаю только о том, чтобы уединиться с вами и предаться любви. Как вас вообще понимать?

Женевьева была вне себя от гнева. Если бы на ней были кожаные туфли на толстой подошве, а не тонкие шелковые туфельки, она топнула бы ногой от возмущения. Но она не могла этого сделать, иначе гравий больно бы впился в ее неж-

ные ножи. До чего невыносим этот Бенедикт! Кого угодно выведет из себя. Суший дьявол! Недаром его прозвали Люцифером.

– Если вам интересно, я ответила отказом на предложение графа Суффолка, – вызываяще глядя на него, проговорила Женевьева.

– Я за вас рад, – мрачно ответил Бенедикт.

– Но, возможно, я изменю свое мнение и послезавтра отправлюсь с ним на прогулку. – Она по-прежнему вызываяще глядела на него. – Я отказала ему, понимая, что сегодня лягу поздно и на следующее утро мне нужно будет как следует выспаться.

Бенедикт едва сдерживал гнев. Как эта женщина, шесть лет прожившая с тираном, наивна во всем, что касается мужчин? Суффолк очень привлекательный и умеет очаровывать дам. Он пользовался этим и соблазнял неискuschenных в любви женщин. Несомненно, собирался соблазнить и Женевьеву. Недаром он выбрал для встречи пустынный в утренние часы парк.

Хотя, возможно, он и ошибается, считая Женевьеву такой уж наивной. Что, если она сама хочет, чтобы какой-нибудь привлекательный и обходительный джентльмен соблазнил ее? Откуда ему знать ее истинные намерения?

– Женевьева, вы понимаете, что поездка по пустынному парку с незнакомым мужчиной может обернуться не таким уж забавным и легким любовным приключением? – резко

спросил Бенедикт.

– Но Суффолк такой привлекательный и обходительный мужчина. – Во взгляде ее небесно-голубых глаз мелькнуло озорство.

Бенедикт едва сдерживал нарастающее раздражение. Женестьева обладала удивительной способностью улавливать самое незначительное в вопросе, упуская суть.

– Лично мне он не кажется привлекательным.

– Конечно же, – со смехом согласилась она.

– Но я понимаю, что он может казаться привлекательным... некоторым женщинам.

– Он кажется привлекательным женщинам, которые молоды и способны испытывать хоть какие-нибудь чувства в отношении мужчин, – сказала Женестьева.

– Возможно, вы и правы, – согласился он.

– А что у вас в корзинке, Бенедикт? – с улыбкой поинтересовалась Женестьева, резко переводя на другую тему разговор, который не привел бы ни к чему хорошему.

Честно говоря, Бенедикт совершенно забыл об этой дурацкой корзинке для пикника, его увлек разговор. С этой женщиной он готов забыть обо всем на свете.

Сначала он хотел использовать Женестьеву в качестве прикрытия своей деятельности, посещая с ней светские рауты. Но сейчас им двигали совершенно иные цели. Он захотел узнать поближе эту красивую и не похожую на других молодую женщину. Иногда она бывала просто невыносима, но

для него это не имело значения.

– Вы меня слышите, Бенедикт? Почему вы молчите?

– В моей корзинке еда и покрывало, все необходимое для пикника, – со вздохом проговорил Бенедикт.

– О, как романтично! – Глаза Женевьевы заблестели от восторга. – Я всегда мечтала о пикнике в таком необычном месте! – В порыве радости она обняла его.

Но ей тут же стало стыдно за то, что не смогла удерживать своих эмоций, и она в смущении потупилась. – Давайте устроим пикник в каком-нибудь укромном уголке, вдали от посторонних глаз, где были бы только мы вдвоем. Пожалуйста, Бенедикт!

Во взгляде ее читалась немая мольба.

– Ну если вы так хотите... – Бенедикта поразила ее просьба и неожиданный порыв. Ее эмоциональность временами переходила все границы. Нашлась бы вторая такая женщина в его окружении, способная вот так внезапно его обнять?

Он не привык к проявлению таких искренних чувств. Это одновременно ошеломило, возмутило и растрогало. Хотя в свете часто обсуждали его любовные интрижки и похождения, большинство этих историй были выдумками. У Бенедикта не было многочисленных романов, которые ему приписывали. Они с Женевьевой разные люди, и, вероятно, она сама это прекрасно понимала. Она жизнерадостная и открытая, он сумрачный и замкнутый. Наверное, она и обняла его по простоте душевной. Ее поступок выглядел вполне невин-

HO.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.